

Юрий Селиванов

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ГЛУПОСТИ

Рассказы

г. Минеральные Воды
2016

ББК 84(2Рос – 4Ста)

С 29

Селиванов Ю.Г.
С 29 **История одной глупости.** Рассказы. г. Минеральные Воды,
2016, с. 100.

ISBN 978-5-9905068-2-9

В книгу вошли сатирические рассказы, в которых автор описывает комические и не очень ситуации, произошедшие с жителями маленького провинциального городка.

ISBN 978-5-9905068-2-9

© Селиванов Ю.Г., 2016

АМАЗОНКИ

Однажды погожим майским утром, когда я, сидя на лавочке в сквере, мирно дремал в тени раскидистых пахнущих клейковиной тополей, ко мне приблизился незнакомый тучный гражданин с портфелем.

– Какие люди! – радостно воскликнул он. – Вот это встреча! Ну, дай-ка я тебя обниму. – Он обнял меня и хлопнул несколько раз своей широкой пятерней по спине. – Ну, здорово, старина! – протянул он руку.

Я с недоумением посмотрел сначала на гражданина, потом на его протянутую руку и, так и не поняв, кто передо мной стоит, решил из вежливости все-таки поздороваться. Может, человек обознался, с кем не бывает, – наивно предположил я, – поздоровается и уйдет.

Между тем уже через минуту стало ясно, что гражданин никуда уходить не собирался.

– А я иду по улице, смотрю, сидит эдакий барин, – рассказывал он, одновременно разглядывая меня, словно витрину ювелирного магазина. – Сидит и наслаждается жизнью. Думает, что это ему так обойдется. Нет, батенька, не обойдется, – он хлопнул меня по спине своей ручищей еще раз. – Хорош! Ничего не скажешь, хорош! В глазах блеск, костюмчик, туфельки начищенные. Чувствуется порода. Я тебя и полюбил в свое время за то, что ты породистый, – добавил он. – У меня дома картина висит. Там на ней изображен жеребец гнедой масти, поджарый такой, морда задумчивая. В облике что-то аристократическое. Вы с ним чем-то похожи.

Комплимент, отпущенный незнакомцем, был весьма сомнительный, поскольку безо всякого повода с моей стороны он сравнил меня с непарнокопытным животным, зарабатывающим себе хлеб насущный бегом по кругу с жокеем на спине.

– Если уж говорить аллегорически, проводя, так сказать аналогии между лошадьми и людьми, – заметил я, – то вы, уважаемый, смахиваете на владимирского тяжело-воза, сбежавшего из конюшни.

– Прямо в точку, старина, – рассмеялся он. – Работаю как лошадь целыми днями у себя в магазине. И грузчик, и продавец, и экспедитор. Молодец! – он рассмеялся и ткнул своим увесистым кулаком мне в бок. – Юморист.

После очередного и довольно ощутимого тычка у меня неожиданно кольнуло в районе печени.

– Вы с ума сошли! – возмутился я. – Что вы в меня все время кулаками тычете? Нашли тоже боксерскую грушу. У меня после ваших приветствий синяки останутся. А что я жене скажу, что меня случайно отмутил один незнакомый гражданин, потому что я ему напомнил породистого жеребца?

– Эх-ма, как повернул, – не унимался незнакомец. – Я же вижу, что придуриваешься. Насквозь вижу. Все б тебе хохмить. Делаешь вид, что не узнаешь меня? Ну-ну. Делай. Только меня, брат, этим не прошибешь. Это все твои актерские штучки. Я на них не ведусь. Меня разыграть невозможно, потому что я деловой человек. У меня бизнес. Впрочем, это не важно. Лучше давай рассказывай как у тебя дела. Как ты? Где ты? Мы с тобой тысячу лет не виделись. Глаза у тебя усталые. Что, молодая любовница бросила? Они сейчас такие. Плюнь.

Мое терпение было на пределе, я хотел уже послать любопытного незнакомца куда подальше, но тот, видимо, прочитав по глазам мои недобрые намерения, полез в портфель и достал фотографию маленького мальчика.

– Внук мой, – пояснил он. – Антон. Три года не видел. Сын с женой развелся, она уехала и нам теперь его не дает. Скучаю страшно. Все говорят, что он поразительно похож на меня.

Глядя на фотографию внука, он размяк, и по его молодому лицу поползла скупая мужская слеза.

– Да, постарел, – пожаловался он, доставая большой клетчатый платок, – и на слезу стал слаб. Сентиментальность мировосприятия.

Несколько секунд мы молчали, я – потому что думал, как выйти из глупейшей ситуации, а мой визави, очевидно, взял тайм-аут, чтобы собраться с силами, подавить волну нахлынувшей сентиментальности и снова пойти в атаку.

– Слушайте в кассу! – неожиданно выкрикнул он. – Забыл, как окурки в глазах шкварчат? Помнишь наши шуточки? Славное было время, старина.

Я несколько опешил от такой перемены настроения. Когда он все это произнес – то мне показалось, что я уже когда-то слышал нечто подобное и именно в этом исполнении.

«Кто же это все-таки такой? – мучился я. – Где-то мы с ним встречались. Нужно только вспомнить, где».

Не замечая озабоченности на моем лице, незнакомец продолжил в мажорных тонах:

– Да, время тебя не берет. Все такой же молодой и красивый. Небось, от женщин отбоя нет? Знаю я тебя, подлеца. Все никак не угомонишься. А у меня, видишь, – он погладил себя сначала по животу, потом по лысине, – фактура уже не та. Жизнь как у арбуза – живот растет, а хвостик вянет. С нашими-то хоть созваниваешься?

– Редко, – соврал я.

– Ну что ты на меня так смотришь? Ошалел от радости, что ли? – он встряхнул меня за плечи. – Удивлен, что меня встретил? Да? Ну, отвечай. Удивлен?

– Конечно, удивлен.

– Рад?

– Рад, – на всякий случай согласился я и добавил: – Очень.

Похоже, мой ответ его удовлетворил. Он наконец немного успокоился и сел рядом, вернее, плюхнулся всеми своими ста килограммами на лавочку так, что та жалобно застонала. Черный бездонный портфель с двумя застежками, изготовленный, как мне показалось, из кирзы, он аккуратно поставил рядом.

– Итальянский, – пояснил он, поймав мой взгляд, – двенадцать тысяч отдал. Что поделать, люблю все фирменное.

Он любовно погладил портфель рукой.

– Как хорошо, что я тебя встретил, – придвинулся он поближе и взял меня под руку. – Ты мне как раз и нужен. Кстати, – он хитро прищурился, – мне показалось, что ты меня, Павла Парамоновича, своего давнишнего друга,

не узнал?! Если так, то ты имей в виду – это свинство, да еще какое. Впрочем, сейчас многие забывают друзей юности. Боятся, что те денег займы попросят.

– Господи, ну как же не узнал? Еще как узнал! – похлопал я по-свойски его по плечу. – Все нормально, старина. Разве тебя можно не узнать? Ты же почти не изменился.

– Да? – удивился Паша. – Ты находишь?

– Конечно, – настаивал я. – Это тебе любой дурак скажет. Великолепно выглядишь. И вообще, в тонусе. Приятно посмотреть.

– Ну, хорошо, – сказал он как-то неуверенно, – и слава богу. А то я думаю, мало ли, может, ты в депутаты влез или олигархом стал местным, а теперь шифруешься и друзей не узнаешь?!

Появление Паши разрушило идиллическую картину моего утра: голуби на крыше старого дома, старичок с бадиком, дремлющий на лавочке напротив, кудрявые белые облака на чистом голубом небосклоне и, что самое главное, приятные мысли о том, что жизнь прекрасна и добра, – все это как-то сразу потеряло актуальность и отошло на второй план. Этот человек занял собою весь объем пространства. Есть такие люди. Они умеют быть главными даже на чужой свадьбе.

Я еще раз посмотрел на круглое, как тарелка, Пашино лицо, смерил с головы до ног его тучную бесформенную фигуру, включил, насколько это было возможно с утра, все ресурсы головного мозга и... так ничего и не вспомнил. При моей дырявой памяти на лица это было, впрочем, не удивительно.

– Все-таки он странный, – подумал я. – С виду, вроде, нормальный, а ведет себя так, как будто только из психушки вышел.

Между тем Паша оставался верен себе и вел беседу в нужном для него направлении.

– Ну, давай, вываливай, что там у тебя в закромах души. Тоже, небось, жизнь потрепала? Бизнес серьезный есть? – спросил он так, как будто был прокурор, а я – лицо подозреваемое в совершении преступления.

– Нет, – виновато ответил я, – бизнеса серьезного нет.

– Это плохо, – Паша осуждающе посмотрел на меня. – Что ж ты так? Сейчас нужно либо в силовики идти, либо в бизнес – таков вектор развития современного общества. На дядю пахать дураков нет.

Высказавшись, он вальяжно развалился на скамейке и зевнул, видимо, заранее предполагая, что ничего интересного в закромах души человека, не имеющего серьезного бизнеса, быть не может. Я едва раскрыл рот, чтобы хоть что-то сказать в свое оправдание, как он, опередив меня, резко поменял повестку дня.

– Впрочем, нет. С тобой потом. Ты же ничего не знаешь, – он хлопнул себя по лбу ладонью. – Вот растяпа. Я ж тебе самого главного не сказал. Так вот. Дела мои хуже некуда. Да, дела – как сажа бела. Но я, как ты видишь, не унываю. Ты, конечно, можешь назвать меня по старой дружбе полным идиотом, когда узнаешь, что я отчебучил, и будешь сто раз прав, но знай – я был уверен, что именно эта женщина – причина всех моих неудач.

Рассказывать он начал откуда-то с середины, второпях опустив важные детали и обстоятельства, без которых мне трудно было понять, кто же была эта, судя по всему, несчастная женщина.

– И мне, естественно, пришлось избавиться от нее, понимаешь? Другого выхода не было. Уж ты-то ее знаешь, амазонку. Ухаживал до меня.

Последняя Пашина фраза перевернула все с ног на голову. Я стал себя чувствовать конченным кретином, позабывшим напрочь какие-то очень важные вехи своей биографии.

– А ты уверен, что я за ней ухаживал? – уточнил я.

– Да-да, – подтвердил он, – ухаживал, но она тебе отказала.

Видя мое недоумение, Паша пояснил:

– Понимаешь, я навел о ней справки, – он развел руками. – Да, каюсь. Спросил у знакомых ребят, чем она дышит, как в моральном плане, с кем встречалась. Жениться я на ней хотел, понимаешь? – он посмотрел на меня, ища сочувствия.

– Ну, конечно, понимаю, – с напускной серьезностью сказал я. – Как же жениться, не проконсультировавшись предварительно у людей с улицы о личной жизни твоей будущей жены, не кота ж в мешке брать!

– Да, – согласился он, – кота в мешке брать нельзя, а вот так получилось, что мне попался именно кот в мешке. Да и не кот даже. Тигрица. Не сообщили мне тогда про отдельные черты ее характера. Столько лет прошло, а я все расхлебываю. А все эта ее амазонистость. Вся загвоздка в ней. Иначе бы я такой фортель не выкинул, уж поверь, дружище. Просто терпеть больше не мог. Выбрал момент и все – рубанул от души. Хожу вот теперь в полном раскаянии, да, видно, поздно. Мне душу облегчить надо перед кем-нибудь, а ты свой – ты поймешь. Тем более, знал ее когда-то.

Он вздохнул как-то совсем безысходно.

Во время рассказа у Паши постоянно менялось выражение лица. Оно было то наивно-восторженное, то деловое, а то лирично-меланхоличное. За выражением его лица было так же трудно уследить, как и за смыслом в его сбивчивом и торопливом рассказе.

Я слушал и пытался вспомнить, кто такой этот Паша. Неудобно разговаривать с человеком, который как лучшему другу изливает тебе душу, а ты не можешь вспомнить, где и когда его видел. С моей стороны было, конечно, свинством не узнать его, к тому же, как выяснилось, мы ухаживали в юности за одной и той же женщиной.

Одет Паша был добротню, но небрежно: на рубашке две пуговицы были оторваны, брюки плохо поглажены, на одной штанине прослеживалась вторая стрелка.

– Ты что, укокошил ее? – чтоб хоть как-то вписаться в тему, спросил я.

Он испуганно взглянул на меня.

– Кого?

– Ну эту женщину, амазонку, которая мешала тебе жить, – пояснил я.

– Да бог с тобой. Кого я там укокошил? – замахал он руками. – Ну, ты придумал тоже, укокошил. Просто раз-

велся. С женой своей развелся. Она мне жить не давала, и я с ней развелся, понимаешь, а вот теперь страдаю без нее, плохо мне.

– Так зачем разводился, раз страдаешь? – пытался я нащупать хоть какие-то общие темы.

Он задумчиво почесал лысину, видимо, мой простой вопрос поставил его в тупик.

– Понимаешь, – как будто оправдываясь, пролепетал он, – я ведь тогда не знал, что будет так плохо, я думал, все будет хорошо, потому что сразу после развода подал заявление для вступления во второй брак. Собственно, ради этого и развелся. Думал, что со второй мне повезет больше. Но, увы. Со второй облом вышел. Да еще какой.

– Так ты от кого избавился, – не понял я, – от первой или от второй? Кто из них амазонка?

– Обе. Они обе амазонки, порвут любого как тузик грелку, – почему-то шепотом сообщил мне он. – Только одна моложе, а другая старше. Вот и вся разница. А развелся я с первой и, как выяснилось теперь, единственной моей любовью, как на сцене, так и в жизни, – несколько театрально произнес он. – Теперь вот совсем один стою в заснеженном поле всеми позабытый. Помнишь, у Есенина:

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь, нагнувшись, под метелью белой?

И тут меня наконец осенило. Мешков. Ну да, рядом со мной сидел Паша Мешков. Как говорится, собственной персоной. Только сильно располневший и постаревший, поэтому его трудно было узнать. Мы с ним вместе когда-то ходили в самодеятельный театр при Дворце культуры. И там он доставал всех Есениным. Его назойливость и прилипчивость били все рекорды. Собственно, никакого актерского таланта режиссер Назаренко Н. в нем не обнаружил, поэтому использовал в качестве осветителя. Иногда ему доставались роли второстепенных героев с репликами. Что касалось женского пола, Паша был всеяден и волочился за всеми знакомыми женщинами, объясняя это поисками идеала. Дамы драмкружка, где постоянно заводились легкие душещипательные романы, отвергали

его ухаживания, считая занудой и жмотом. С деньгами, действительно, Паша расставался тяжело. Когда нужно было сдать рубль на подарок кому-нибудь в честь предстоящего дня рождения, он демонстративно выворачивал пустой карман.

– Я – интеллигентный человек, – объяснял он, – и не могу работать в сфере материального производства, класть кирпичи или забивать костыли на железной дороге. Поэтому временно не работаю и нахожусь в поиске жизненного поприща. Деньги – не главное в жизни. Вы там за меня бросьте рублишко, а я устроюсь на работу и отдам.

Спустя какое-то время он устроился на работу сторожем в отдел культуры, но долги никому так и не вернул. Видимо, на ниве культуры платили очень мало. На барышень он тратиться тоже не желал, считая себя подарком судьбы, предпочитал, чтобы тратили на него.

Девушкам это, естественно, не нравилось, и они от Паши отбрыкивались, когда он неуклюже их кадрил, предлагая съездить к нему на дачу. Теперь, уже в зрелом возрасте, его, видимо, терзали все те же проблемы. Они как старые мозоли мешали ему идти по жизни твердой поступью, не хромая.

– Со второй, молодой, мы не расписались, не успели, – добавил он. – Сбежала она. С кем, правда, не знаю. А первая моя супруга тебе хорошо известна по нашему театру. Ну, Леночка Филина. Помнишь? Она переодевалась во время премьеры за кулисами, думая, что в темноте никто ее не увидит, а я нечаянно включил свет.

– Леночка? Филина? – переспросил я на всякий случай. – Светленькая такая, с челочкой.

– Ну да, – подтвердил Паша, – светленькая и челочку она носила.

– Ну, конечно, помню, – обрадовался я тому, что память моя не так уж плоха, раз хранит в своих темных закоулках светлый образ нашей коллеги по театру.

– Ты, бац, рубильник, и все как на ладони. А она в беленьких трусиках, в туфельках на каблуках побежала прятаться за ширму. Серьезная дамочка, фигуристая. По-

жилая немного, правда, но с огоньком, с задором комсомольским. Как же, очень хорошо помню. Она еще тебя за это козлом назвала. Да, конечно, помню, – подтвердил я, – но только, Паша, извини, но я за ней не ухаживал. Она меня с кем-то спутала. Я ухаживал сначала за Светой, потом за Ирой, а за Леночкой твоей ухаживал сначала Серега, потом Коля и потом еще кто-то был, я не помню, как его звали. Ты тогда еще на репетиции не ходил. Ну а потом самым последним ухажером был ты.

– Во-первых, не козлом, а ишаком, – обиделся Мешков, – во-вторых, ухаживал именно ты, потому что она красивая. Лена мне сама рассказывала, что ты позвал ее к себе домой якобы послушать музыку, а она отказала тебе и не пошла, а в-третьих, какая ж она пожилая? Стал бы я жениться на пожилой. Всего только на пять лет и старше меня. С чего ты взял, что она пожилая?

– Да нет, конечно, хотел сказать зрелая, серьезная девушка, – поправился я, – умудренная опытом, ну и симпатичная, конечно. А может и ухаживал. Всех ведь не упомнишь. Времени-то прошло ого-го сколько. Тем более ты говоришь, что мне она отказала. Зачем же помнить тех, кто отказывает?

– Отказала-отказала, – подтвердил Мешков.

– Вот видишь, какая она оказалась принципиальная, – ухватился я за тему. – Кремень, а не женщина.

– Ну да, правильно, – обрадовался моим словам Мешков. – Конечно, ухаживал. Попробовал бы не ухаживать. Что она, хуже других? Только она абы с кем не пошла бы, как некоторые. Я ее, если хочешь знать, за эту самую принципиальность и неприступность и полюбил. Нравятся мне такие – волевые. Подумал, что с такой по жизни идти легко. В обиду себя не дает, всегда знает, что нужно делать. Уговорил выйти за меня. Полгода уговаривал, – с гордостью сообщил он. – Сначала жили у ее родителей. У них дом свой большой на «собачевке». Мы – в одной половине, а они – в другой. Банька у них дровяная, вино в подвале в бочках, хозяйство всевозможное – куры, гуси. И еще рыбалка, прямо за забором Кума текла, а через кладку – дача. А на даче клубника, малина, ви-

ноград «дамский пальчик». Красота. Год хорошо жили, демократично, она меня не трогала, все разрешала, даже баловала иногда. Ну, в кино ходили, по знакомым. Потом детишки пошли, после декрета она на должность начальника цеха села, квартиру трехкомнатную себе выбила. На машину денег ее родители дали. Вот тут-то и началось. Вся ее амазонистость на поверхность и вышла.

– Что это за амазонистость такая? – не понял я. – Ты все время это слово употребляешь.

– Ну, амазонистая. Крепкая, значит, волевая, – сжал он руку в кулак, – любящая мужиков строить, чтобы те ей безропотно подчинялись. Вот моя, например, ее медом не корми – дай покомандовать. В цехе у нее одни мужики, причем пьющие. Так она их всех в бараний рог. Они ее между собой генеральшей называли. «Вон, – говорили, – генеральша наша идет». Нет, зарабатывала она, конечно, хорошо, по триста-четыреста рэ в месяц против моих ста двадцати. Потом, когда завод в АО преобразовали, ее даже в совет директоров выбрали.

– Да, в совет директоров акционерного общества – это круто, – согласился я. – Там характер нужен.

– Это уж потом я предпринимателем стал, – продолжал Мешков. – Опять все она. Торговую точку открыла и меня за прилавок посадила. «Хватит на дядю пахать, – сказала, – будем свой семейный бизнес налаживать». Потом здание магазина она выкупила – дивиденды за несколько лет получила и вложила их в недвижимость в центре. Там за прилавком у меня дар открылся. Могу все что угодно с выгодой для себя продать. Своего рода талант.

– Да, это по нынешним временам, действительно, талант, – согласился я. – Ты что, все можешь продать?

– Все, – сказал Мешков уверенно, – и даже более того. Проверено практикой. Не сомневайся.

– И однокомнатную квартиру на трубном, на пятом этаже, крыша течет, без ремонта, прописано восемь человек, в подвале вода, балкон не застеклен.

– Легко, – Мешков улыбнулся.

– А цену дадут? – засомневался я. – У меня сестра дворянская два года продает – ни одного звонка.

– Дадут, не сомневайся. Если я займусь, обязательно дадут.

– Тогда это действительно талант, – подтвердил я. – Далеко пойдешь. У нас таких людей ценят. Ты в политику иди, – посоветовал я, – там люди с коммерческой жилкой в цене.

– Нужно подумать, – не заметив моей иронии, поделовому отреагировал Мешков. – Вот деньжат поднакоплю, тогда можно и в политике себя попробовать. Там без денег делать нечего. Нужен политический вес. Так вот, – продолжил он прерванную тему. – Она и ко мне эти же самые методы стала применять, что и к алкоголикам своим. За любую провинность лишала чего-то: себя, рыбалки, пива. Зарплату всю забирала. Хочу что-то сказать, а она: «Сиди с жопой вместе. Твой номер восемь, когда нужно, тогда спросим». До смешного доходило. Привязались к нам как-то вечером на улице несколько молодых подвыпивших. Без повода, чисто из хулиганских побуждений. Скучно им было, видимо, просто так бродить, без приключений. Попросили закурить, а когда я сказал, что не курю, один такой, с татуировками на руках, подскочил и сходу, бац, мне в глаз. Ну я, конечно, как и положено бывшему спортсмену, во время полета сгруппировался и аккуратно приземлился на травяной газон. Лежу на травке и думаю, что мне теперь с ними, с хулиганами этими, делать. Один-то я пятерых не потяну – годы не те. Да и не мой это стиль – хулиганов перевоспитывать, на это милиция есть. Мысль такая мелькнула: может, они про меня забудут, если я буду тихо лежать, да и пойдут себе дальше. Лежу, значит, я на газоне, стараюсь не привлекать к себе внимания, руку под голову положил, делаю вид, что заснул, а сам выжидаю. Тихо так вокруг, на меня внимания никто не обращает, как будто меня и нет. Хулиганы, довольные, что все по их вышло, достали сигареты, закурили. Тут она ни с того ни с сего как врежет одному сумкой по башке, другому ногой по коленке, да как заорет: «А ну, брысь отсюда, шпана подзаборная,

пока я вас не порвала! Мать вашу». Достала милицейский свисток из кармана и давай свистеть. «Группа захвата, – кричит, – ко мне. Собаковод Поводков. Фас». Тут как раз собака где-то залаяла. Они врассыпную, подумали, наверно, что на милиционершу нарвались. Откуда у нее свисток?

– Наверно, знакомый милиционер подарил, – выдвинул я версию.

– Да, скорее всего, – согласился Мешков, – у нее много знакомых, в том числе и милиционеров, конечно. Так вот, они испугались такого напора и убежали, а она у меня спрашивает: «Ты как, Мешков? Сильно испугался?» – «Да нет, – отвечаю, – не так чтобы очень. Просто затаился, хотел выждать, пока они про меня забудут, и внезапно напасть на них. Не успел. Ты, милая, их очень быстро разогнала».

– Похвалила она меня тогда, сказала, что со мной хорошо в лесах партизанить в случае войны, потому что я хорошо маскируюсь от врага. Обидно мне стало, дружище. Понимаешь? Если ее послушать, так во мне никаких мужских качеств нет. Как прикажете с этим жить, а? – обратился он ко мне. – Как?

Я пожал плечами.

– Вот. Понял я, что нужно менять жизнь. Захотелось найти тихую молодую женщину, на фоне которой мои мужские качества выглядели бы ярче, brutальнее. У наших жен возраст уже, знаешь, такой...

– Какой? – не понял я.

– Ну, не романтичный, предпенсионный. В общем, под слоем косметики этот возраст уже не спрячешь. Понимаешь, мне всю жизнь ничего нельзя — скован по рукам и ногам семейными узами. Другие мужья вон и любовниц имеют и шампанское ящиками с ними распивают, на курорты возят, в окна к замужним дамам лазят. И ничего — им все прощают. Только мне ничего нельзя. А хотелось романтических отношений, новизны. У нее то дача, то рынок, то дети, то внуки. Ну и работа, конечно. Задерживалась часто, говорила, по делам. По дому в халате ходила, усталая и в шлепанцах на босу ногу. В общем,

какая тут романтика? Нет, когда из дома выходила, то одевалась она, конечно, хорошо – и обувь, и косметика, и духи, и чулочки, и юбочки, и кофтенки. В этом плане она у меня молодец, за собой следила, не стыдно было в народ выйти, мероприятие посетить, и мужчины за ней увивались – положительно реагировали. Но мне-то от этого не легче, мысли-то в голове бродят, не дают покоя, да и глаза видят, сколько их – молодых, манящих.

– Я ведь знаю, – подмигнул он мне, – многие нынче молоденьким предпочтение отдают. Ты себе тоже, небось, пассию завел? – он хихикнул. – Кто-то мне про тебя рассказывал. Или не про тебя?

– Да ты что? – опешил я. – Упаси бог! Врут мерзавцы.

– Врут? – переспросил он с недоверием.

– Стопроцентно, – заверил я его, а для убедительности добавил: – Мои знакомые это подтвердят. Могу дать адреса и телефоны.

На лице моего собеседника появилось разочарование.

– Даже так, – огорченно произнес он. – А я думал, ты как прежде – орел. Мельчает народец, стареет и мельчает. Значит, и ты стал мужчиной ДТТ.

С его лица сползла улыбка, и он скорчил такой кисляк, как будто его только что заставили выпить рюмку уксуса.

– А что такое мужчина ДТТ?

– Диван, тапочки, телевизор, – ответил он.

Мне не хотелось его разочаровывать. И не хотелось быть мужчиной ДТТ.

– Конечно, романчик закрутить на стороне неплохо было бы, – как можно бодрее сказал я. – Дело хорошее и чувства освежает. С этим я согласен. Только не понимаю я эту современную молодежь! Конфликт отцов и детей у меня с нею. Полное взаимное отрицание. О чем мне прикажешь с ними разговаривать? О соцсетях или о планшетах, смартфонах и айфонах? Я даже не знаю, что это такое. Куда-то бежать, где-то скрываться, а у меня радикулит и плечо на погоду ноет. Я, Мешков, лучше возле жены и телевизора погуляю. Так-то оно вернее будет.

– Трусишь, значит, – сделал он неожиданный для меня вывод. – Все на передовую, в гущу жизни, а ты, значит, в кусты. Да, время меняет людей.

Он махнул рукой.

— А может, просто деньги сэкономишь, жалеешь? Хочется-то всем, но большинство трусит или жен боится. У тебя тоже, небось, амазонка почище моей. Другой причины не вижу. Они ведь, жены, нынче какие, особенно когда в возрасте, — норовят личную жизнь мужа урезать, ограничить. В общем, стопроцентный контроль. Сам не гам и другому не дам. Верховодить любят, чтоб мужья перед ними на задних лапках прыгали. Одно слово — амазонки, только современные, хитрые, алчные, хорошо одетые, на машинах, все выслеживают, вынюхивают, чтобы мы, не дай бог, себе личную жизнь не наладили. Погибают тут рядом с ними в расцвете лет. Эгоистки. Только что борзыми не травят пока. А про молодежь ты зря так. Разная она, молодежь. Незадолго до развода на улице приятеля встретил, давнего знакомца, смотрю, с женщиной молодой красивой идет, прямо лет на двадцать пять, а может и больше, моложе его, и в коляске у нее лежит маленький такой карапузик, ножками сучит, ручонками машет. А года за два до этого приятель овдовел. Сыновья, правда, есть взрослые, женатые. Наверно, думаю, с невесткой ходит, внуков у фонтана выгуливает. Остановился я, поздоровался, а любопытство так и раздирает. «Что, — спрашиваю, — внучка выгуливаешь?» А он улыбается, женщину эту обнял, в щечку чмокнул. «Нет, — отвечает, — сынок это мой. А это жена Элеонора. Познакомься». У меня нижняя челюсть так и упала на тротуар. Во, думаю, дает мужик! Дело к пенсии, а он потомством обзаводится по второму кругу, да еще и жена не Дуся какая-нибудь — Элеонора. На артистку похожая — грудастая, губки пунцовые, ножки стройные. Пробрало меня тогда крепко. «Вот, — думаю, — жизнь. Ну, а я чем хуже? Дети у меня тоже взрослые, семьи имеют, как-нибудь свои сопли сами подберут. Жена тоже не пропадет — квартира есть, работает, дети, внуки при ней, теща еще живая, стерва старая, в общем, есть куда себя применить. Так ради чего мучиться?» А у меня как раз была одна дамочка на при-

мете, случайно познакомились в ресторане, хорошая такая, на тридцать лет меня моложе. Называла меня папиком и еще говорила, что очень меня любит и что я самый лучший мужчина в ее жизни.

– Она, видимо, хотела сказать – один из лучших, – пошутил я.

Но Мешков не слушал меня, он был поглощен анализом своей личной жизни.

– Ты знаешь, я ей поверил! – с пафосом воскликнул он, разбудив дремавшего на скамейке напротив старичка.

Градус беседы снова стал повышаться. В голосе моего давнишнего знакомого послышалась театральная страстность. Мне показалось, что он хотел придать своей истории оттенок трагедийности, сделать свою личную жизнь достоянием общественности.

Я вспомнил его на сцене. Так же страстно и не менее неискренно он играл в пьесе мастера бригады текстильщиц, который хотел выполнить пятилетний план за четыре года. Он всегда любил страдать на людях. Так ему было легче. Вот и сейчас он снова был на сцене, зрителем для него был я.

– Это было что-то, старик! Ниагарский водопад страстей. Я просыпался и шептал ее имя как в бреду. Это было на грани безумства, меня сжирала всепоглощающая слепая страсть. Слишком поздно я понял, что с ее стороны это была лишь игра. Год мы с ней так прокувыркались – то по дачам, то по гостиницам, и решили совместно, что мне нужно развестись, – продолжил Мешков описывать свои злоключения. – Эта тоже руководить начала, только по-другому. Деньги, правда, лежали у меня, но тратила их исключительно Олеся. Она заставила меня купить вместо портфеля рюкзак и сделать на левом плече татуировку – осовременивала меня. «Ты, Паша, – говорила мне она, – еще молодой мужчина. В тебе много гусарского, удалого, ты еще можешь к женщинам в окна по ночам лазить, шампанское в ресторанах пить и сорить деньгами, превращая жизнь любимой в сказку. У тебя жизнь

только начинается. Мужчины твоего возраста – находка для женщины, клад. А если захочешь, я и родить могу. У тебя две дочери, а я тебе сыночка рожу розовощекого. Хочешь?» – «Конечно, хочу, – говорил я ей. – Другим можно, а я что, рыжий? Хочу сыночка маленького, розовощекого, нет, двух розовощеких, хочу хулиганам морду бить, хочу с балкона прыгать. Хочу, чтобы моя жена меня слушалась и не шаталась по бесконечным совещаниям, хочу в окна к замужним лазить, пить шампанское и сорить деньгами. Я все хочу. Эх! Жизнь ведь только начинается». «Он на тебя похожим будет, таким же умным и красивым, – обещала она», – подражая интонациям своей пассии, рассказывал Мешков. Получалось у него неплохо. Немного карикатурно, правда.

Мешков говорил громко, вдохновенно, активно жестикулируя руками. На нас стали оглядываться прохожие, некоторые даже останавливались и внимательно наблюдали за происходившим.

– Верил. Вот дурак!

– Трудно не поверить, когда тебя называют лучшим мужчиной. Я бы, например, тоже поверил, если бы мне это сказала красивая женщина.

– Правда? – обрадовался Мешков.

– Ну да, – подтвердил я, – только мне такого до сих пор никто не говорил. Может, просто пока не попадались те, которые смогли бы меня разглядеть в толпе, а?

– Может, – согласился он. – А может, ты не там ищешь?

– Я вообще не ищу, – признался я. – Думал, что вот женился и все. Хоть жена никогда не говорила, что я лучший мужчина в ее жизни, – констатировал я с сожалением. – Что худший, говорила, а что лучший, нет.

– Дождешься от них похвалы, как же, – поддержал меня Мешков. – Сплошь одни амазонки. Им, видите ли, похвалить нас уже трудно. Они не могут кривить душой. А если разобраться, почему? Мы, значит, можем, а они нет?

– Как же так? – растерянно произнес я. – Шампанское я ведрами не пил, деньгами не сорил, в окна к замужним тоже не влазил. Был, правда, один раз романчик на побе-

режье с одной замужней дамочкой. Я из-за нее со скалы в море прыгал, – сказал я не без гордости. – Вниз головой.

– А с балкона? – поинтересовался Мешков. – Слабо?

– С какого балкона? – не понял я.

– Ну, с балкона приходилось прыгать, этажа с третьего или хотя бы со второго?

– От замужних? – переспросил я.

– Ну да, от кого же еще? – подтвердил Мешков. – От незамужних прыгать смысла нет. Чего зря жизнью рисковать?

– А зачем прыгать от замужних? – не понял я.

– Ну как же, – пояснил Мешков. – Звонит в дверь муж, ты, чтобы не отвечать на его глупые вопросы, быстренько одеваешься, кладешь носки в карман, раскрываешь зонтик – и с балкона вниз. Не в шкаф же прятаться или под кровать.

– Нет, с балкона мне прыгать не приходилось, – с сожалением признался я. – Даже не знаю, смогу ли я вот так запросто сигануть.

– Если тебя назовет лучшим какая-нибудь фифочка напомаженная, обязательно сиганешь, как миленький, – развеял Мешков мои сомнения.

То ли от обиды на жену, то ли от досады на себя, я вдруг подумал: «А зачем я вообще женился, если я не лучший. Вот кто лучший, тот пусть бы и женился».

– Так вот она мне и говорит, – не унимался Мешков. – Ты только люби меня, Паша, люби и никуда от себя не отпускай, привязывай к себе покрепче, чтобы свое счастье не упустить.

– Взял я тогда, идиот, и подал заявление на развод, а как еще привяжешь покрепче? Другого способа нет. И повод хороший нашелся – жена пришла домой в час ночи. У них там, на работе, у кого-то юбилей был. Ну, признаюсь честно, я ее вообще не ревновал никогда. Какой смысл ревновать жену? Куда она денется? А тут решил воспользоваться ситуацией, устроил небольшой скандал, она даже рот от удивления открыла: «Мешков, ты что, ревнуешь меня? Обалдел совсем на старости лет. Пожа-

луйста, не устраивай тут театр. Я не люблю дешевую самодетельность. Тоже мне, Отелло нашелся».

– Представляешь?! – Мешков закрыл лицо руками, как это делают люди, у которых случилось большое горе. – Она смеялась мне в лицо. Рушатся судьбы, а она смеется.

– «Все! – сказал я ей тогда, – не верю тебе. Ты мне не верна. Это ужасно, Елена. У тебя есть мужчина. Стыд какой!» – «А если и так, – усмехнулась она. – Разве тебе не все равно, милый, есть он или его нет? Что это меняет? Как женщину ты меня обходишь уже много лет стороной, я тебе готовлю, стираю, еще и думаю за тебя. Ты же любишь, когда за тебя думают?» Вот так мне заявила, представляешь, – пожаловался Мешков. – Страшная женщина. Во мне все так и заклокотало как в вулкане, как в гейзере. Я был готов задушить ее в этот момент. Знаешь, так и чесались руки схватить ее за горло, – признался Мешков.

Он протянул руки к моему горлу, желая показать, как мог бы задушить свою потенциально неверную супругу. Я предусмотрительно отодвинулся на край лавочки и на всякий случай потрогал рукой шею, проверив, на месте ли она. Так проверяют в своем кармане деньги после того, как рядом у кого-то ворюга, замаскировавшись на время под порядочного гражданина, вытащил кошелек.

– Украли, украли! – вопит пострадавший, стоя посреди трамвая с растерянным выражением лица. – Кошелек из кармана тиснули, граждане. Среди бела дня. Нужно у всех срочно проверить карманы.

Но гражданам не до того, они проверяют, целы их капиталы.

– Извини, – сказал Мешков, убирая руки. – Нервы. «Ах, так, – говорю я ей. – Тебя действительно нужно задушить, или хотя бы стукнуть пару раз. Но я выше этого. Раз я тебе не нужен, остается одно – развод».

Слово «развод» Мешков крикнул так громко, что старичок проснулся, глупо заморгал глазами, подскочил с лавочки и, испуганно оглядываясь, заковылял к автобусной остановке.

– С этого все мои мучения-страдания и начались, – добавил Мешков уже более спокойно и миролюбиво. Видимо, силы оставили его.

– Сразу развели, – поинтересовался я, – или мурыжили?

– А ты что, тоже собрался? – он кивнул головой в сторону загса, который был неподалеку.

– Да нет, это я так, к слову, – испугался я. – Просто интересно, как нынче разводят.

– Нет, не сразу. Она долго не соглашалась, потом еще имущество делили. У нас же магазин. Адвоката пришлось брать. Набегались, в общем. Сначала жена просила меня одуматься, говорила, что эта молодая – мне не пара и таких, как я, у нее каждый день по десятку. «Она будет тебе изменять, а ты будешь бегать за ней как суслик, – пророчествовала она. – Тебе это нужно? Кретин!». Припомнила, что я как-то год просидел дома без работы, и она мне ничего не говорила, терпела, и что пил, тоже припомнила, рассвирепела и сказала, что с такой сволочью, как я, давно нужно было развестись, если бы не дети.

– Да, – вспомнил он, – потом еще добавила: «Ты, Мешков, подлец и подонок, и я давно это подозревала, еще с самого театра. Узнал, что у моих родителей дом есть и деньги, вот и женился на мне. А теперь хочешь разойтись из-за того, что я постарела и пополнила. Знаю, тебе худенькие нравятся. В зеркало почаще смотри на рожу свою оплывшую и в паспорт на дату рождения, не теряй связь с реальностью! – она зло рассмеялась. – Хлебнешь ты еще со своей сучкой и меня вспомнишь! Хлебнешь! Она тебя по миру пустит». Потом молча побросала мои вещи в чемодан. «А теперь пошел вон, – сказала она и поставила чемодан у открытой двери. – Убирайся! Хочешь вернуться – не приму», – грозно добавила она, выпихивая меня на лестничную клетку и бросая мне вслед чемодан. Но я не слышал ее и не понимал, что происходит. В общем, на тот момент отдельные части моего мозга

отключились полностью, остальные, хоть и работали, но с перебоями.

– Это бывает, – согласился я с ним, вспомнив свой роман на побережье. – Бывает, что и все отключается – они это умеют.

– Ты б видел ее! – воскликнул Мешков. – Ты б видел эту... эту..., – подыскивал он подходящее слово. – Не женщина – жрица любви. Но тоже с амазонскими наклонностями: Паша, встань; Паша, ляг; принеси то; подай это. Все только под ее дудку. И еще врал много и деньги у меня постоянно из кармана тырила. Не хватало ей того, что добровольно давал. Норовила ухватить кусок пожирнее. Представляешь, такая молодая и уже такая дрянь.

– Да тише ты, – успокоил я его, – вон люди смотрят.

– Но какая женщина! – старался он говорить тише, хоть это у него получалось плохо – эмоции просто рвались наружу. Ему нужно было выговориться, нужна была аудитория, он не хотел и не умел страдать в одиночку. – Тут любой голову потеряет. Богиня, хоть икону пиши, – продолжал описывать Мешков свою бывшую возлюбленную, переходя на шепот. – Я на нее молился. Ухажеров у нее оказалось гораздо больше, чем я мог предположить. Они ей по вечерам звонили и предлагали различные увеселительные мероприятия. Олеся тех, кто ей звонил, называла милыми друзьями. Я у нее спрашиваю: «Почему у тебя подруг нет?», а она отвечает: «Что я, дура, подруг иметь? Я люблю с мужчинами дружить». Бывало, что человек пять звонило за вечер, а кое-кто из милых друзей даже заходил, нахально убалтывая ее прямо на дому. Меня, правда, никто никуда не приглашал. Я как пыльный старый шкаф стоял в углу и молчал, боясь быть выкинутым на помойку.

– Нет, ты не думай, я сопротивлялся, – оправдывался он, – я высказывал ей, что это ненормально и даже аморально. «Какие же это милые друзья? – пытался я ее вразумить. – Ничего милого в них нет, скорее даже наоборот, бритые мордороты с наколками и забитыми интернетом мозгами». «Ну что ты, глупенький, – возражала она, – ты их просто не знаешь. Я уверена, что вы

подружитесь. А дуться не надо. Папику не идет, когда он дуется, и не нужно меня ревновать, это же друзья, мы с ними танцуем и слушаем музыку, а люблю я папика», – она гладила меня по голове, целовала в щеку и выпархивала на улицу, где ее обычно ждала машина.

– Господи, где были мои глаза? – он покачал головой. – Свободу хотел обрести, избавиться от семейных оков, найти гармонию жизни.

– Ну и как, – спросил я, – нашел гармонию?

– В том-то и дело, что нет, с Олесей я расстался.

– Это я, вернее, мы, уже поняли, – ввернул я, оглядываясь на двух худосочных манерных старушек, занявших место убежавшего старичка на скамейке и внимательно слушавших Мешкова.

– Вернее, это она оставила меня, – поправился он, не обращая внимания на старушек. – Можно даже сказать, бросила. Соблазнила меня, дурака, и бросила.

Старушки, услышав признание Мешкова, переглянулись и довольно улыбнулись, вспомнив, очевидно, что-то из своей юности.

– Слава богу, что расписаться не успели. Трудно мне с нею было, не попадал я в ее темп. Она ведь дамочка молодая, с темпераментом и с запросами к жизни. Ее нужно было каждый день удивлять. Мы на даче жили у приятеля, потом я купил квартиру однокомнатную в центре. Оформил на себя. Сначала думал на нее оформить, а потом оформил на себя. Ей это сильно не понравилось. Представляешь, заявляет мне: «Папик, ты свинюшка и меня не любишь!» – «Нет, – говорю я ей, – люблю, солнышко, но при чем здесь квартира?» – «Ну как это при чем? – удивлялась она. – Как раз и при чем, папик. Если бы ты не был свинюшкой и любил по-настоящему, то квартиру бы на меня записал. А ты жмотничаешь, у тебя рубля не выпросишь. Не любишь, не любишь, не любишь! – капризничала она. – Жадина и свинюшка, противный, пузатый и лысый старикашка».

Дело близилось к обеду, яркое майское солнце выкарабкалось наконец из-за тучи, заиграло в витринах и окнах домов, наполнило улицу ярким светом и напомнило

нам своим горячим дыханием, что не за горами жаркое и пыльное лето. Я надел кепку, лежавшую в кармане, а Мешков прикрыл лысину газетой. Старушки раскрыли летние зонтики в горошек, неизвестно как сохранившиеся у них с доисторических времен, вероятнее всего, при помощи двух проверенных народных средств – платяного полированного шкафа и нафталина, и стали похожи на два мухомора, вросших корнями в лавочку. Мешков достал носовой платок и вытер со лба пот.

– Припекает, – сказал он.

Воспоминания жгли его актерское сердце.

– Так и не смог я ее убедить, что любовь бывает и без денег, – сказал он с досадой. – Она рассмеялась, сказала, что это все хрень-брень-балалайка и уехала с этими, ну, с друзьями со своими музыку слушать. Один из них в дверях остановился и сказал: «Ты, папаша, главное – не парься по этому поводу. Все бабы – суки».

– А я остался один в четырех стенах как Гамлет с вечным вопросом «быть или не быть?»

Он задумчиво посмотрел на старушек.

– Вот так и расстались. На следующий день приехал я с работы, а ее нет, мебели нет, оргтехники и денег тоже. Ну, в общем, жизнь семейная на новом месте не задалась. Ее почему-то все больше в кабаки тянуло, на тусовки, а мне хотелось домашнего тепла, уюта.

– Ну ты даешь, Мешков, – не выдержал я, – уют ему подавай. Где ты с ней познакомился?

Он назвал ресторан, в котором произошла их встреча.

– И что она там делала?

– Просто сидела одна за столиком и скучала, – наивно заявил он.

– В этот ресторан, Мешков, девушки просто так не ходят, не тот профиль у этого заведения, – пояснил я. – Там же гостиница на втором этаже. Почасовая сдача номеров. В этом ресторане одинокие дамочки скучают за деньги.

Он удивленно посмотрел на меня, как будто я сказал ему, что наукой наконец доказано, что земля стоит на трех китах.

– Понимаешь, я думал, что после развода смогу ощутить, вдохнуть полной грудью воздух свободы, а получилось наоборот, ощутил себя бродячей собакой без конуры и хозяина. Довольно неприятное чувство, между прочим. Пожил в разводе год и понял, что не могу функционировать самостоятельно, хочу, чтобы мною руководили – мне так легче жить, это и есть моя гармония. Совершенно отвык думать. Не поверишь, даже на вещевой рынок съездить захотелось, только бы вместе с законной супругой. В конце концов, женщина все знает лучше нас, зачем с ней спорить, ведь все равно по ее выйдет. Никто мне теперь не нужен – ни брюнетки, ни блондинки, ни Светы, ни Оксаны, ни Элеоноры. Дети до сих пор на меня косо смотрят, хоть я уже полгода один живу, плыву по жизни как корабль в безбрежном океане, да плыть куда, не знаю. Была семья – была цель. А теперь что? Вокруг вакуум образовался, даже поговорить не с кем. Хожу один из угла в угол и все думаю, думаю. Жить нечем – пусто внутри, словно выгорело все. Не нужно было мне разводиться. У меня теперь после страданий как будто глаза открылись. Мужчина смотрит на мир через призму своих женщин, вернее, своей женщины, – поправился он. – И мысли у меня в голове только о семье – светлые и добрые.

– Значит, ты прозрел и просветлел одновременно, – пошутил я, понимая, что смеяться над чужим горем плохо, но это был не смех, это была радость, что я не пошел по порочному пути, проторенному Мешковым, – не прыгал с лоджий и балконов в ночное время, не прятался в платяные шкафы от мужей и не делал еще много внешне приятных вещей, которые в конечном результате сделали бы меня таким же несчастным, как и он. Моя жена была при мне, и хоть не считала меня лучшим мужчиной, но и худшим в ее глазах я тоже не был. Мне не нужно было за то, чтобы меня назвали лучшим, скитаться по квартирам и дачам, ходить одиноко из угла в угол по пустой квартире.

– Ты вот смеешься, – обиделся мой приятель, – а я твердо решил предложение ей снова сделать, как тогда, двадцать пять лет назад. А про мужиков она наврала мне. Это же ясно.

– Ну, решил, так делай, – подбодрил я его, – дело-то хорошее.

– Так я и сделал уже сегодня по телефону. Буквально час назад. Собственно, я это тебе и хотел сказать, поделиться, мы ж с тобой как-никак на одной сцене играли.

– А она, – поинтересовался я, – как отреагировала? Согласилась?

– Обещала подумать, – ответил он задумчиво. – Сказала, что теперь ей жить стало легче, как будто у нее гора с плеч свалилась – решать приходится не за двоих, а только за себя. Еще сказала, что предупреждала меня, что назад не примет.

Мешков опять вытер со лба пот.

– Видишь, переживаю. Такого дурака сваял. Променял такую женщину на эту...

– Ну, во всяком случае, не отказала, и то хорошо, должна ж она тебя пожалеть и простить. Русские женщины добрые и отходчивые, хоть, как ты сказал, амазонки почти поголовно, – подбодрил я его.

– Отходчивые? – задумался он. – Знаешь, не замечал за своей. Сильная – да, волевая – да, но отходчивая? Тогда вся надежда на то, что отходчивая. Да, наломал я дров. А память у нее хорошая и характер мужской, действительно, как у амазонки. Может и не простить. Моя может.

– Моя тоже, – добавил я.

Мы немного помолчали, думая каждый о своем.

– Да-а-а, – упавшим голосом протянул мой визави, – извини, что я тебе все это рассказал – нужно было выговориться. Теперь вот чуть полегчало. Живу надеждой. Может, она разрешит мне снова на ней жениться, а? Как думаешь?

Он вопросительно посмотрел на меня, как будто это я должен был решить, соглашаться его амазонистой супруге на брак с ним или нет.

– Я ведь на все согласен, – продолжил он убеждать меня, – и деньги отдавать буду, на кой они мне, все ее распоряжения буду выполнять, лишь бы простила. А мне не привыкать, я могу и борщ сварить, и уборку сделать, и постирать. А что, если нужно?

– Да я сам такой безотказный, – поддакнул я. – Жена не нарадуется. С работы приходит, а у меня уборка сделана, дети накормлены, борщ сварен, белье постирано.

Про борщ и белье я соврал, даже и не знаю, зачем. Вырвалось... Как-то хотелось соответствовать. Машинку я не умел даже включать, а борщ варить за двадцать лет женитьбы так и не научился.

Бабушки на скамейке с одобрением посмотрели на меня. Кивнув им на прощанье, я удалился переваривать то, что сообщил мне мой театральный друг.

Через месяц я снова встретил Мешкова на улице. Он был заметно повеселевший, в руках нес две большие продуктовые сумки как человек, обремененный заботами о семье.

– Ну, что? – спросил я, припомнив нашу последнюю встречу. – Жена простила?

– Простила, – радостно сообщил он, ставя сумки на асфальт, – понимаешь, она у меня, к счастью, действительно, амазонка – решила вернуть меня в семью. Я уж думал все, каюк, а она неделю назад вечером позвонила и так четко в своем стиле: «Собирай вещи, Паша, и шагом марш домой. Да в темпе вальса, пока я не передумала!» Я быстренько собрал шмотки и через полчаса уже стоял перед ней навытяжку в нашей квартире, готовый выполнить любой приказ. Представляешь, вот баба – кремень, все вынесла: и пьянки мои, и нынешний кульбит с этой жрицей любви, а потом благородно меня простила. А что? Мне сказали, я и приехал. У меня гордости нет, как у некоторых. В современной жизни этот атрибут лишний. Что, с меня убудет? К счастью, отходчивость, видимо, неотъемлемая черта характера всех наших амазонок, – сделал он неожиданный вывод.

– От души тебя поздравляю, – я пожал ему руку. – Рад за тебя, но в одном с тобой не согласен.

– В чем? – спросил он.

– В том, что наши женщины, к счастью, амазонки и, к счастью, отходчивы. Это они от несчастья амазонки и от несчастья отходчивы. А что им еще остается?

ГАРАЖ

1

Услесаря КИПиА Бори Нечкина на окраине города был гараж, в котором хранился старый горбатый «Запорожец» морковного цвета, доставшийся ему от тестя. Много лет Нечкин лелеял мечту восстановить транспортное средство, а затем продать его коллекционерам. Он где-то вычитал, что деловые люди сначала вкладывают деньги в старую технику, а потом очень дорого ее продают. Идея пока не находила практического воплощения – то не было желания, то денег, а чаще того и другого. Иногда от нечего делать Нечкин выкатывал авто из гаража, открывал капот и что-то там внутри крутил, пытаясь запустить движок, но автомобиль заводиться отказывался.

– Сдал бы ты его в утиль, Шахматист, – советовали соседи по гаражу, – ума ты ему все равно не дашь – эта техника уже свое отъездила!

– Нет, не могу, – отвечал он, – ценная вещь. Раритет. За него скоро большие деньги можно будет выручить, а в металлолом я его всегда успею сдать.

Нечкин считал себя ценителем старины и регулярно со своим другом Мишкой Бульдозером устраивал «экспедиции» на стихийную городскую свалку, которая уютно расположилась в балке неподалеку от гаражного кооператива. Именно оттуда они приволокли в гараж старую кровать с никелированными набалдашниками в виде русалок и круглый полированный стол без одной ножки. Вместо ножки к столу хозяйственный Бульдозер прибил кусок лестничной балясины. За много лет существования свалки Нечкин собрал целую коллекцию старинных вещей. На многочисленных гаражных полках стояли полуразбитые статуэтки, вазочки с отколотыми краями, сдавленный с боков медный самовар без трубы с медалями, лошадиный хомут, печные изразцы с ангелочками, алюминиевый ведерный чайник, медный таз с дыркой посередине и множество прочих «нужных» в хозяйстве вещей. Рядом с кроватью примостился шахматный столик со стершей-

ся от времени разметкой, на котором стояли залапанные грязными руками фигуры. Напротив кровати в углу возле печки-буржуйки с длинной, словно хобот у слона, трубой были навалены кучей дрова. На самом видном месте над верстаком, над скопищем пустых бутылок, банок и грязной посуды Нечкин повесил вырезанный им из журнала портрет чемпиона мира по шахматам А. Алехина. С годами фотография гроссмейстера пожелтела, покрылась разводами от сырости, ее засидели мухи, но Нечкин портрет не снимал – Алехин был его кумиром.

В гараже он проводил свой шахматный досуг, другие формы отдыха его не устраивали.

– Шахматы – вот и все, что мне нужно в жизни, – любил повторять Нечкин, – я люблю уединение, чтобы никто не мешал мыслительному процессу, а здесь, в этой скромной келье, среди старинных вещей я отдыхаю душой. Дома не отдохнешь – дома жена.

Робинзонада Нечкина длилась когда неделю, когда больше – все зависело от того, насколько хватало денег. Спал он на ржавой кровати, умывался из пластиковой бутылки, прибитой снаружи гаража, есть готовил на электроплитке.

Неподалеку от гаражей стоял ларек, где Нечкин покупал самое необходимое – хлеб и папиросы. Водку брал по дешевке у соседа по гаражу дяди Митяя, который своим всегда делал скидку. Нос у дяди Митяя был сизым, из чего можно было сделать вывод, что он регулярно проверяет качество предлагаемого клиентам напитка.

– В магазине тебе что продадут, – рекламировал свой товар дядя Митяй, – гадость, отраву. А у меня продукт экологически чистый, полезный для здоровья. К тому же идет мягко, и голова утром не болит. Таксисты берут, наши гаражные ребята все здесь отовариваются. Такая жизнь: сегодня свадьбы, а завтра поминки, – вот и бежит народ: «Дядя Митяй, выручай, срочно надо!» Приходится запас держать. А как по-другому? Для людей работаю.

Дядя Митяй был свой человек и, если у Нечкина кончались деньги, давал ему выпивку в долг.

Нехитрую закуску – сало, картошку и лук приносили с собой друзья, которые приходили в гараж выпить, а заодно и поиграть в шахматы.

Супруга Нечкина Вероника Павловна «шахматное» хобби мужа не одобряла.

– Все твои друзья, – ругалась она, – как и ты – голдранцы и пропойцы. Ни на одном из них я ни разу приличной вещи не видела. Ходят в спецовках замусоленных.

– Но это же уважаемые люди, полезные члены общества, – возражал Нечкин, – а в спецовках ходят потому, что так удобнее, переодеваться не надо.

– Это Бульдозер и Маслобак – люди? Ну, рассмешил, – не унималась Вероника Павловна. – Люди – это те, кто умеют жить, на «мерседесах» ездят и за границей два раза в год отдыхают. Тоже мне – люди, бульдозерист и водила. Устроил для них притон в гараже! Завалил все хламом, живешь там неделями как бич, не моешься. Того и гляди заразу какую-нибудь в дом принесешь. Ты на себя в зеркало давно смотрел? Нечесанный, невымытый, небритый. Глядеть тошно. Не человек – пропадина какая-то!

Подобных задушевных бесед с супругом за долгую семейную жизнь Вероника Павловна провела великое множество. Все они заканчивались одинаково: когда она переходила к оскорблениям, Нечкин, как правило, недослушивал ее и сбегал на несколько дней в гараж.

– Хуже нет жены, чем жена-официантка, – жаловался он Мишке Бульдозеру. – На работе она культурная, обходительная: «Возьмите, пожалуйста, будьте любезны!» Как же – высшее общество! А дома родному мужу борща тарелку не нальет! «Сам наливай, – говорит, – не переломисься! А я на работе наподавалась». Наподавалась она. Устала. Утром встанет, наштукатурится, юбчонку покороче наденет и летит на свою работу перед пижонами задом крутить. А они ручки к ней свои тянут, облапять норовят и денежки ей в карман кладут!

– А может, она не такая? – усомнился Бульдозер. – С виду женщина приличная.

– Такая-такая, – заверил его Нечкин, – и подружки у нее все такие. Одна, представляешь, будучи у нас в гостях, заявляет: «А я щедрых мужиков люблю. Пусть ухаживают, если им нравится. Что с меня, убудет что ли? Я современная женщина – без предрассудков». А мне, понимаешь, противно, что моя жена кому-то за деньги позволяет себя лапать.

– Да, современные – они такие, – согласился с ним Бульдозер, – им бы только деньги с человека драть, а что у него в душе, им по барабану.

– Я ведь для чего живу? Для детей, чтоб, значит, у них все было, – продолжал Нечкин, чувствуя поддержку, – стараюсь каждую копейку в дом принести. На себя почти не трачу. В камуфляжной куртке и штанах который год хожу! А почему? А потому что экономлю, чтоб детям больше досталось, а ей все не так! Говорит: «С таким, как ты, на людях стыдно показаться. Не муж – образина какая-то». А еще спрашивает, почему я пью. А вот через все это и пью. Потому что обидно. Есть ведь женщины уважительные: мужья у них в почете, одеты, обуты, обласканы, хоть тоже выпивают, – понимают, что мужчина должен выпить хотя бы раз в неделю, иначе он потеряет свое лицо. За мужа любому глаза выцарапают. Взять, к примеру, Ваньку Ньюхина. Он, когда нажрется, обязательно в луже вываливается как свинья, а жена ему каждые полгода новый костюм покупает. «Хочу, – говорит, – чтоб он у меня красивый был и бабы мне завидовали». А ведь Ванька по сравнению со мной в умственном плане – полный пигмей. Его в детстве как звали? Иванушка-дурачок. Я напомнил об этом прилюдно, когда она хвалилась, какой он у нее хороший. Чтоб не зарывалась. А она мне: «Ум, Нечкин, для мужчины – не самое главное. У мужчин помимо ума есть и другие достоинства. Слава богу, у моего, в отличие от некоторых, они есть».

– А почему она так говорит? – не понял Бульдозер.

– А потому, что мужа-дурака выгораживает! Не хочет на старости лет одна остаться. А у моей только деньги да шмотки в голове. Муж для нее – пустое место. Уродилась

такой, в мамашу свою пошла. Та, дура старая, своим ядовитым характером мужа вообще со свету сжила. В буфете на перроне всю жизнь просидела. С ментами шуры-муры водила. Мне рассказывали. В башке-то вакуум, а советы дает. Моя хризантема во всем ее слушает. А в последнее время с работы приходит, а от нее коньячком тянет. Я у нее интересуюсь: «С кем это ты выпиваешь?», а она с гонором отвечает: «Я перед тобой, Нечкин, отчитываться не собираюсь. Много чести. Выпила и выпила».

– Да, пьяная баба – себе не хозяйка, – посочувствовал Бульдозер. – Не повезло тебе с женой, Шахматист, лярва какая-то. И где ты ее такую выкопал?

– Мужчина – голова, женщина – шея, – на первых порах пытался Нечкин воспитывать свою половинку. – Женщина, Верочка, играет черными, то есть защищает, так ее природа устроила, и в Писании сказано: «Да убоится жена мужа своего». У мужчины больше свободы, он стратег и творец и всегда играет белыми, и с этим нужно смириться, особенно если мужчина – интеллектуал. Он иногда может себе что-нибудь позволить, чего не может себе позволить женщина. Не в ущерб семье, конечно.

– Ага! – горячилась Вероника Павловна. – Здравствуй, жопа новый год! Я буду деньги зарабатывать, а ты, значит, будешь белыми играть! В общем, ты весь в белом, а я, понятно, в чем. Ты будешь неделями кутить в гараже с дружками и пешки свои дурацкие двигать, а я, значит, должна тебя обстирывать, готовить, детей одна тянуть и терпеть. Нет, милый, у нас равноправие. Если ты будешь себе что-то позволять, я в долгу не останусь, не надейся. Если ты думаешь, что я никому не нужна, то ошибаешься. Это тебе, алкашу, я не нужна, а другим – только клич брось, в очередь станут. Мы, женщины, народ опасный, нас злить нельзя. У нас терпелка крепкая, но бывает, в один момент, раз, и порвется. И тогда все, хоть жемчуга, бриллианты дари – не поможет. Так наша русская баба устроена. Понял?

Когда Нечкин пропивал очередную получку или аванс, его ждал дома скандал.

– Мне детей на что кормить? – кричала Вероника Павловна.

Нечкин шарил у себя по карманам, мотал головой и разводил руками, что-то пьяно мычал и виновато улыбался, как иллюзионист после неудачного трюка.

– Не знаю, – глядя на жену, врал он, – украли, наверно.

После подобных «фокусов» его снимали с пищевого довольствия. Вероника Павловна становилась, как выражался Нечкин, в стойку.

– Куда, – грозно произносила она, – псина неумытая? Что ты забыл в холодильнике? Ты что, туда что-нибудь клал?!

Он знал, если его назвали неумытой псиной, значит, есть не дадут.

– Что заработал, то и кушай, – подводила она итог, – с кем пил, кому зарплату отдаешь, у тех и спрашивай – со своих собутыльников и шалав, а здесь – вот тебе первое и вот тебе второе! – она подсовывала ему под самый нос сначала один кукиш, а потом другой.

Несмотря на свою худосочность, поесть Нечкин любил. Трудно было лежать голодным на диване и обонять доносившиеся с кухни ароматы. Нечкин вытягивал шею, стараясь уловить поток аппетитных запахов, и, закрыв глаза, мечтал о том, чтобы поскорее наступила ночь. Когда жена и дети ложились спать, он осторожно прокрадывался на кухню, открывал холодильник и, стараясь не загреметь чем-нибудь, чтобы не попасться с поличным, в темноте насыщал калориями свой высушенный многолетними запоями организм.

Как-то он имел неосторожность похвалить деповскую столовую.

– Там на завтрак блинчики со сметаной, сырники, запеканка, и вообще выбор блюд большой. А у тебя выбора блюд нет. На завтрак яичница, а можешь и борща налить.

Услышав это, Вероника Павловна буквально остолбенела от такой наглости.

– Ах ты, пропадина! – вспыхнула она. – Выбор блюд ему подавай! Правду люди говорили, да я, дура, не верила. Теперь понятно, что там за блинчики! Нашел себе шалаву в столовке, вот и тянет тебя туда. Ну и катись на здоровье к «своей бэ».

Поняв, что дело может опять дойти до рукоприкладства, Нечкин прямо в комнатных тапочках, чтобы не терять время на переобувание, сбежал в гараж. Домой он не приходил целую неделю – боялся справедливого возмездия.

– Это ж надо, узнала! – сокрушался он. – Я ж конспирацию соблюдал. Никуда, кроме гаража, с Тонькой не ходил. Не иначе, кто-то из подружек настучал. Вот заразы! В чужую жизнь лезут.

Нечкина всегда влекло к крупным женщинам. Антонина, работавшая в деповской столовке поварихой, нравилась ему своим ростом, широкими полными бедрами и большим бюстом. Встречались они в гараже, другого места не было. Выпивали, беседовали, курили. Нечкин хотел научить ее играть в шахматы, но она не согласилась, к его огорчению.

– Надоел ты со своими шахматами, – возмущалась Антонина. – Ну, вот достал, честное слово. Ты не старый еще, но уже такой нудный! Ты вообще можешь о чем-нибудь другом разговаривать? Я женщина, мне про шахматы скучно.

Уходила и приходила Антонина сама, Нечкин в целях конспирации ее не провожал, а в целях экономии не дарил цветов и духов.

– Какой смысл? – рассуждал он. – Во-первых, она старше, а во-вторых, ни разу не намекнула, что ей цветы пора подарить. Намекнет, тогда другое дело. Баловать не нужно.

Длилась эта романтика около полугода. После скандала, устроенного женой, с личной жизнью Нечкин решил завязать. Антонине он сказал так:

– Понимаешь, мы с тобой в цугцванге. Это такая ситуация в шахматах, когда ходить некуда. В общем, обложили нас, как волков. Нам сейчас самое время разбежаться

в разные стороны. Ну, а когда все устаканится, можем восстановить отношения. Хорошо?

– Ну что ж, – согласилась Антонина, – давай разбежимся.

На прощание она сказала ему:

– Ты, Шахматист, мужичок не злой, но ненадежный. Куда ветер подует, туда и тебя несет. В нас, бабах, опору ищешь, а мы сами хотим на кого-то опереться. Вот и получается нестыковка. Мы хотим, чтобы нам плечо подставили, а нам все что-то другое подставляют.

– Ну, извини, жениться на тебе не могу, – по-своему понял ее слова Нечкин. – Я женат, милая, и разводиться пока не собираюсь. Мне моя жена нравится.

– Тем, что барбосом невымытым тебя называет? Сам же жаловался. Да не бойся, – усмехнулась Антонина, – я за тебя бы и не пошла. Женщине надо чувствовать, что с нею рядом мужчина, защитник, а ты – ребенок, тебе не жена нужна, а мамка. Ну, будь здоров, Шахматист. В столовую-то хоть будешь ходить, или у тебя на почве испуга аппетит пропал?

– Не знаю, – неуверенно пробормотал Нечкин, – подумать надо.

Так они и расстались.

– Ну вот и хорошо, – радовался Нечкин, – все что ни делается, все к лучшему. Повариха, а строит из себя английскую королеву. Главное теперь – с Вероникой Павловной мосты навести, чтоб она меня простила.

Его надеждам не суждено было сбыться. Злопамятная Вероника Павловна чуть что, сразу вспоминала заведение общественного питания по известному адресу и повариху Антонину, причем добавляла к ее имени не совсем приятные для уха эпитеты. Называла она ее исключительно «эта бэ». Она вообще любила характеризовать женщин, которые ей не нравились, начиная со слов «эта бэ». Видимо, таким образом она отмежевывалась от них и как бы говорила: «А я не такая».

Возможность убедиться в том, что его жена «не такая», Нечкин получил. Как-то поздним октябрьским вечером он сидел под грибочком на детской площадке во дворе

многоэтажного дома в новом микрорайоне и, попыхивая папиросой, ждал Бульдозера, который пошел к знакомым занять немного денег. Настроение в преддверии выпивки было хорошим. Неожиданно из подъезда напротив вышла Вероника Павловна с молодежавым хорошо одетым мужчиной. Последний держал ее под руку и шептал на ухо, судя по выражению его лица, какие-то сальности. Вероника Павловна смеялась. Было заметно, что они оба навеселе. Подъехало такси. Мужчина, помогая Веронике Павловне садиться, взял ее за талию, потом сам сел рядом с ней.

– Неужели хахаля завела? – испугался Нечкин.

Всю ночь Нечкин не спал, переживал, что Вероника Павловна с ним разведется.

– И гараж отберет, – думал он, – и из квартиры, чего доброго, выселит. Буду, как Бульдозер, по чужим углам скитаться.

Когда он рано утром приплелся домой, жена еще спала. Можно было, конечно, потребовать от нее объяснений, но делать этого Нечкину не хотелось.

– Это она мне за Антонину мстит, – успокаивал он себя. – Поколобродит чуть-чуть и вернется к мужу. Кому она нужна с двумя детьми? Дураков нынче нет.

После коварной измены мужа Вероника Павловна, видимо, посчитав, что она имеет теперь на это право, стала препятствовать Нечкину в исполнении супружеского долга.

– Перебьешься, – грубо оборвала она попытку Нечкина с целью примирения прилечь к ней на кровать. – Где-то шляешься неделями, весь зачмоканный, замызганный, и туда же. Иди к своей поварихе. Она добрая, никому не отказывает.

Себя Вероника Павловна блюла. Хорошо одевалась, следила за руками и лицом, носила дорогое кружевное белье, красовалась в нем перед зеркалом.

– Для кого ж это ты так вырядилась? – спрашивал Нечкин, измученный ревностью и длительным отсутствием женской ласки. – Ишь, вся в кружевах. Да еще подтяжки какие-то надела. Иностранские, поди, дорогие.

– Не бойся, не для тебя, – отвечала Вероника Павловна. – Я женщина и хочу ею себя чувствовать.

– На работу все-таки идешь, – приставал Нечкин. – Какая клиентам разница, что у тебя под юбкой надето?

– Дурак ты, Нечкин, – отвечала Вероника Павловна. – Ты даже не представляешь, какой. Есть вещи, которые мужчина не должен спрашивать у женщины. Но ты же не мужчина.

– А кто же я, по-твоему?

– Алкаш, – отвечала жена. – Водка – единственная твоя любовь. У тебя призвание не к шахматам, как ты всем хвалишься, а к алкоголизму.

Нечкину такое отношение к своей персоне казалось обидным и незаслуженным. Себя он пьющим не считал. Рассуждал примерно так: «Пью не больше других, из дома вещи, как некоторые, не продаю, под забором не валяюсь, и вообще, если захочу, то могу и завязать, сила воли есть», хоть на уровне подсознания понимал – никогда он не завяжет, и силы воли у него никакой нет, потому и школу вечернюю бросил, так в девятом классе и застрял. Собратьям по гаражу Нечкин свистел, что закончил заочно техникум.

– А ты давай в мастера, Шахматист, – советовали ему они, – чего диплому зря пропадать?

– Зачем мне в мастера? – возражал Нечкин. – Мы люди не гордые, хоть и с дипломом, по головам наверх не лезем, как мой начальник. Рабочему человеку дышится легче. На кой мне их должности? Живу, как хочу. Я – вольный человек!

Начальник цеха, где Нечкин имел несчастье работать, был ревностным блюстителем дисциплины и не терпел лодырей и пьяниц.

– Ты, – говорил он, – Нечкин, может, шахматист и хороший, но работник из тебя, как из собачьего хвоста сито. Работать умеешь, но не хочешь, позволяешь себе в рабочее время прикладываться к бутылочке. Если бы ты работал, как пьешь, то давно звезду героя труда имел бы. А так не сегодня завтра вылетишь как злостный нарушитель трудовой дисциплины.

– Вот прилип, – думал Нечкин, пока начальник занимался его воспитанием. – У самого ведь рыло в пуху. Скоро на пенсию, а он все по девочкам бегает! Чуть что, нырь, к Петровой в кладовую и дверь на замок. Пользуется служебным положением, старый козел. Взять бы и стукануть его жене. Вечерком набрать номер телефончика и сказать нежным голосом: «Я вам добра желаю, поэтому и звоню. Муженек-то ваш совсем морально разложился, к кладовщице Петровой шастает, амурничает с ней вместо того, чтобы о работе думать. Поберегли б вы его. А то не ровен час подорвет здоровье человек на любовном фронте. Она ж его на двадцать лет моложе». Что бы этот гусь лапчатый тогда запел? Небось, не до воспитательных бесед было бы. Навязались на мою голову – здесь этот моральный разложенец достает, дома Вероника Павловна свирепствует.

По глубокому убеждению Нечкина, все неприятности в жизни приходили к нему именно от жены. Взять хотя бы тот случай, когда ему дали 15 суток. Ведь не соседи, а жена самолично, не подумав о том, что роняет авторитет мужа в глазах общественности, вызвала милицию, когда он «случайно» стулом разбил люстру. Да, он крикнул тогда: «Я тебе сейчас мозги на волю выпущу». Но ведь он только грозился. Никому мозги выпускать он не собирался. Ей попробуй выпусти. Она сама кому хочешь выпустит. Просто выпил, обидно стало, что его не уважают, вот и захотелось показать, кто в доме хозяин.

Так, по милости родной супруги, ему пришлось две недели мести центральные улицы Пятигорска, лоя на себе насмешливые, как ему казалось, взгляды прохожих.

– Небось, начальство, – злился он, глядя на беззаботно гуляющих по улицам отдыхающих с кружками. – Слесаря не пошлют на месяц за профсоюзный счет будку в санатории наедать. Трутни, пиявки на теле трудового народа!

Попыток свести счеты с зарвавшейся супругой за двухнедельную «курортную путевку» на нары Нечкин не предпринимал – знал, бунт будет безжалостно подавлен.

Правда, в подпитии ему иногда хотелось стукнуть ее для профилактики, как советовали друзья.

– Ты ее нэ сильно так стукни, чтоб свое мэсто знала, главное, бэз свэдэтэлэй, – учил его Артур Гаттузов, бывший боксер, а теперь временно не работающий сварщик. – В пэрвый раз она удэвится, – наставлял он, – зато потом уважат сылно будэт. На Кавказе жэнщин должен уважат мужчина и мэсто свое знат.

Несмотря на квалифицированные и подробные инструкции Гаттузова, указать жене ее место Нечкин не смог, только ходил пьяный по квартире и нудил:

– Тебя б, шкуру, на нары. Дать бы тебе за это...

– Попробуй только тронь, – отвечала жена. – Я тебе башку враз чем-нибудь проломлю – или сковородой, или утюгом. Что будет под рукой, тем и проломлю, ты меня знаешь.

Нечкин знал – проломит. Однажды супруга действительно огрела, его, пьяного, кружкой по голове. Пришлось накладывать швы и уходить на больничный для восстановления здоровья. Пока ждали «скорую», он сидел около крана, смывал с волос запекающуюся кровь и причитал почти плача:

– Вера, ты меня убила.

2

Печка в углу гаража трещала дровами и создавала уют. В середине стола возвышалась на подставке сковорода, из которой аппетитно пахло жареной картошкой, на газете были разложены нарезанные сало и лук. На полу стоял трехлитровый баллон соленых огурцов, который Вова Маслобак принес втайне от жены. Желающие доставали пузатые огурцы торчащей из баллона вилкой, потом брали их без церемоний руками и ели. Артур Гаттузов принес водку, какой-то травы и банку маринованного красного перца.

– Эсли кушат этот пэрэц два штука в дэнь, всэгда как мушчин здоровий будэш, – сказал он.

Опоздавший Бульдозер привел с собой узколобого очкарика.

– Альберт, – представился тот, замаявшись у входа, – предприниматель из Москвы, здесь в командировке. Мест в гостинице не было, поэтому меня на одну ночь поселили в общежитие. Меня вот товарищ пригласил, – он показал на Бульдозера, – сказал, что у вас тут шахматный клуб.

– Ого, предприниматель! Да еще из Москвы! – удивился Маслобак. – Хозяева жизни пожаловали. Решили шахматешками побаловаться? Как говорится, мы вас не ждали, а вы приперлись!

– Да не слушай ты его, – вмешался Бульдозер, – он у нас вечно всем недоволен. Проходи к столу.

Маслобак подернул плечами и с неохотой подвинулся на лавке.

Банковал за столом как всегда Бульдозер. Он регулировал количество выпитого, чтобы кто-то не принял на грудь больше других – с Бульдозером такие финты не проходили.

– Слюшай, Нечкин, – спросил Гаттузов, рассматривая портрет на стене, на которое до этого почему-то не обращал никакого внимания. – Это что за клиент? Вид у него нэ наш.

– Нэ наш, нэ наш, – передразнил его Нечкин. – Много ты понимаешь! Если на голове у него нет папахи или фуражки-«аэродром», то он уже и не ваш. Этот клиент, между прочим, чемпион мира.

– Что, съел, черт нерусский?! – заржал Маслобак. – Ну, темнота!

– Это Алехин, генацвале, шахматист от бога, – пояснил Нечкин. – За границу укатил после революции. Играл вслепую сеанс одновременной игры на тридцати досках. Выиграл. Потом в войну с немцами играл в Париже. Также вслепую. И опять выиграл. Ну, они, понятно, хотели его к стенке поставить, но потом передумали. В общем, сделал он их.

Гаттузов хитровато улыбнулся.

– А я думал, он родственник твой, Боря. Похож, брат, на тебя.

– Может, ты, япона мать, действительно его родственник, Шахматист? – обратился Бульдозер к Нечкину. – Просто не признаешься?!

– Все может быть, – задумчиво произнес Нечкин, глядя на портрет. – Шахматисты все чем-то похожи.

Брошенная невзначай реплика Гаттузова о сходстве с гроссмейстером ему понравилась.

– Докопаться до корней крайне трудно, – добавил он, – товарищ-то за рубежами родины помер. Выпить был, говорят, не дурак. Только пил он не паленку, как мы, а всякие культурные напитки: мартини, абсенты, коньячки и закусывал устрицами и лягушками, потому что во Франции другой еды нет. Ну, иногда рыбу ел, потому что без рыбы в мозгах не хватает фосфора. А нам, шахматистам, без фосфора никак нельзя. Большой оригинал был... На турниры с котом ездил.

– С котом? – не поверил Маслобак. – Врешь ты все, Шахматист. Вот чувствую, что врешь, только поймать не могу тебя на метле. Скользкий ты, все время уваливаешь.

– Я уваливаю? – обиделся Нечкин, который побаивался Маслобака, потому что тот был здоров как черт и в нетрезвом состоянии бузил. – Да я сам фото видел. Такой огромный, здоровенный котище, – развел он руки в стороны. – Мне знакомый мастер спорта из Москвы показывал, в Москву звал, говорил, что я с моими способностями там враз карьеру сделаю.

Про мастера спорта Нечкин приплел для того, чтобы понравиться московскому гостю. Мол, знай наших, мы тоже не лыком шиты.

– Брехня, – протянул с улыбочкой Маслобак. – Свистишь ты все, интеллигент гнилой. Почему интеллигенты все такие брехливые? Взять хотя бы тебя, Шахматист. Вроде, наш человек, рабочий, а вроде и нет. Корчишь из себя умнягу, с москвичами знакомство водишь. А мы этих москвичей знаем – мутный народ, себе на уме. Скажут одно, а сделают совсем другое. Раз ты с ними дружбу водишь, – упрекнул он Нечкина, – значит, тоже мутный.

Нечкин в ответ Маслобаку хотел сказать тоже что-нибудь обидное, но, вспомнив, что у последнего часто переключивало мозги под воздействием винных паров, промолчал.

– Садись, Вова, сыграем, – с улыбкой пригласил он Маслобака. – Мы сейчас увидим, кто из нас мутный.

После первых же ходов стало ясно, что силы не равны.

– А вот мы вам сейчас вилочку устроим, и ваш ферзик пойдет пописать, – хихикал Нечкин, чувствуя свое превосходство. – И лошадку твою мы тоже накроем. Чего ей в одиночестве по доске скакать? А теперь вам шах, товарищ, – торжественно объявил Нечкин, подвигая своего ферзя к черному вражескому королю.

– Каюк тебе, Вова, сдавайся, – посоветовал Маслобаку стоявший у него за спиной Бульдозер, – а то хуже будет.

– Ботвинник в такой позиции поздравлял противника с победой, – добавил к сказанному Нечкин. – Следующим ходом будет мат.

Маслобак курил и пускал папиросный дым через нос, что означало крайнюю степень раздражения. Проигрывать он не любил. Через ход Маслобак действительно схлопотал мат. Нечкин, окрыленный победой и довольный тем, что так быстро поквитался с обидчиком, расставляя шахматы, рассказывал выдуманную историю о своем славном спортивном прошлом. Многие из присутствующих ее слышали неоднократно, поэтому интереса не проявляли, зато москвич слушал довольно внимательно.

– Я ведь первый разряд выполнил еще в юности, – хвастался Нечкин, – обыграл на соревнованиях двух кандидатов в мастера, легко обыграл и, что характерно, оба раза избрал сицилианскую защиту, тот самый дебют, который применил Алехин в знаменитом Парижском матче с Капабланкой в 1926 году. Мне тренер тогда сказал, что у меня талант. Я все эти комбинации сходу запоминаю. Иногда даже страшно становится, куда там оно в голове все уместается. «Ты, Боря, природный самородок, – говорил мне тренер, – тебе прямая дорога в большой спорт». В газете тогда мой портрет напечатали.

Нечкин отогнал кота, вертевшегося под ногами, залез с головой под верстак и извлек оттуда старую папку.

– Вот, – сказал он, кладя перед москвичом затрепанную вырезку из местной газеты, в которой был напечатан портрет лопухого подростка и сообщалось, что некто Бо-

ря Нечкин, ученик слесаря, занял первое место в личном первенстве депо по шахматам.

– Мы с тренером тогда курс взяли на кандидата в мастера, чтоб непременно выполнить в сжатые сроки, – продолжил свой рассказ Нечкин. – Углубились в теорию, в соревнованиях приличного уровня стали участвовать, чтоб пообтесаться среди маститых, приглядеться, как у них там, опыта спортивного набраться для серьезных баталий. Не знал я тогда, с какого боку за жизнь хвататься надо. Молодым был, глупым. В Москву нужно было ехать устраивать жизнь. Там, в столице, таланты всегда при деле. А я здесь остался, в глухомани. Я ведь даже во сне комбинации разыгрываю. Да. Все по теории, потому что склад мозгов шахматный. У шахматистов, в отличие от обычных людей, правое полушарие больше левого, потому что они думают именно этим полушарием.

Место поверженного в битве Маслобака занял худосочный москвич. Нечкин довольно потирал руки.

– Ну-с, молодой человек, – обратился он к москвичу, – разрешите преподавать вам мастер-класс. Как вы относитесь к ферзевому гамбиту? Первый ход d4-d5. Классический дебют. Затем у нас будет миттельшпиль, ну, а в конце, естественно, эндшпиль. Какой вы эндшпиль предпочитаете, – поинтересовался Нечкин, – пешечный или ладейный?

– Мне все равно, – сказал москвич, – я в теории не очень.

– А, новичок! – обрадовался Нечкин. – Ну что ж, держитесь. Иду на вы.

С первых же ходов столичный гость повел себя для новичка как-то странно. Сначала он выиграл две пешки в дебюте, потом слона, ладью и ферзя в меттельшпиле. В так называемом эндшпиле у растерявшегося Нечкина остался голый король против ферзя, ладьи и трех пешек москвича.

– Мат, – сказал москвич, ставя ладью на край доски.

Нечкин виновато огляделся по сторонам.

– Случайно проиграл, – сказал он. – Нужно было применить защиту Каро-Канн, а я начал разыгрывать ферзевый гамбит. Теоретический просчет.

Бульдозер налил победителю вне очереди.

– На, выпей, – сказал он, протягивая стакан, до краев наполненный красным вином. – У нас так положено. Победителю приз. Из наших никто у Нечкина выиграть не может, потому что он мастер и знает всякие защиты и дебюты, одно слово, теоретик, а ты его на обе лопатки положил. Пей, япона мать, – протянул он стакан, – портвейн что надо, из Северного парка, у ашотов брали.

Москвич выпил стакан залпом и через пять минут его ясный взор затуманился, а на лице появилась глупая улыбка. Винишко действительно оказалось что надо. Портвейн, выпитый на водку, сделал свое дело – гость, молчавший весь вечер, наконец заговорил.

– Вот вы говорите мастер, – обратился он к Бульдозеру, – а где вы видели таких мастеров? На третий разряд, может, и потянет. Но не более. Защита Каро-Канн, гамбит. Теоретик. Рассказывает какие-то небылицы про мастеров. Вот я, – он пьяно улыбнулся, – действительно кандидат в мастера спорта по шахматам. У меня и удостоверение есть, – москвич полез в карман и достал небольшую красную книжечку.

– Вот, – развернул он удостоверение, – Макакин Альберт Иванович – кандидат в мастера спорта. Выступаю за спортивное общество «Локомотив».

Бульдозер взял удостоверение и внимательно его рассмотрел.

– Да, – сказал он, – подпись есть, печать на месте. Ксива добротная.

– Слышь, кандидат, – влез в разговор со своей темой Маслобак, которого зацепило хвостовство московского гостя, – ты, я вижу, шустрила на все руки от скуки – и кандидат, и дело свое открыл. Деньги, наверно, лопатой гребешь? Тебе, случайно, дворник на виллу не нужен? Ты скажи, если нужен, я пойду. Брошу шоферить и пойду. Давно мечтаю в Москву перебраться. У вас там, говорят, жизнь другая – дворники больше наших директоров получают.

Кандидат посмотрел на нетрезвое широкоскулое лицо Маслобака, пожал плечами и продолжил, не почувство-

вав угрозы, раскачивать пьедестал, на котором все еще восседал Нечкин.

– Вот вы затронули биографию Алехина, – обратился он непосредственно к спрятавшемуся за широкую спину Бульдозера Нечкину. – Я не могу с вами согласиться по поводу отдельных эпизодов жизни гроссмейстера. Алехин и Капабланка действительно играли свой знаменитый матч из тридцати четырех партий, но не в 1926 году в Париже, как это вы нам поведали, а в 1927 году в Буэнос-Айресе. И никакую сицилианскую защиту никто из них не применял. Капабланка первую партию играл белыми и применил французскую защиту. Эту партию выиграл Алехин, как и весь матч. Это любому шахматному любителю известно, – добавил он. – И расстрелять его хотели не немцы, а ЧК, потому что он был дворянином. Между прочим, моя прабабушка тоже была дворянкой. А за логическое мышление отвечает левое полушарие, а не правое, как вы изволили утверждать.

Он хотел сказать что-то еще, но не успел.

– Что-то ты все не о том! – перебил его Маслобак. – Алехины, Капабланки. Ты мне про другое скажи, кандидат, берешь меня дворником или нет?

– Каким дворником? – не понял тот.

– Ну, дворником или швейцаром, ну, в общем, в холуи к себе берешь? – обобщил Маслобак. – Вы же там все норовите на чужом горбу в рай въехать, значит, холуев ищите, да подешевле.

– Никаких дворников и холуев, как вы выразились, мы не ищем, – кандидат удивленно посмотрел на Маслобака, – вы что-то путаете.

– А кого ж вы тогда ищите? – не отставал Маслобак. – Может, дураков? А вот мы все здесь перед вами! У вас же те, кто своими руками на хлеб зарабатывает, – все дураки.

– Что вы ко мне со своими дураками привязались? – начал нервничать кандидат. – Я дураками не занимаюсь, я по образованию инженер-железнодорожник, а не врач. – кандидат показал рукой на Маслобака. – По-моему, товарищ не в себе!

– Товарищ? – Маслобак скорчил презрительную мину. – Какой же ты товарищ, дворянская твоя душа. Я таких товарищей имел в виду! Понял? И хоть у меня принцип – женщин и интеллигентов не трогать, для тебя, кандидат, я могу сделать исключение.

Кандидат, который только теперь понял, что влип, решил спустить инцидент на тормозах.

– Если я вас чем-то обидел, то прошу меня извинить, – подчеркнуто вежливо сказал он. – Просто това... – он осекся, – вернее, гражданин, – кандидат показал на Нечкина, – несколько искажил факты, не умышленно, конечно, – добавил он, – а в силу некомпетентности и необразованности.

Маслобак развернулся к притихшему после поражения Нечкину.

– Слышь, Шахматист, он тебя не уважает, говорит, что ты нуль. Главное, за наш счет пьет, жрет и нас же необразованными называет. Ах ты, морда столичная! Да у человека диплом в кармане лежит почище твоего, – он кивнул на Нечкина, – а ты его неучем обзываешь. У него мозги такие, что хоть сейчас министром ставь, а ты ему – мат. Слушай, Шахматист, может, ему литерный выписать как железнодорожнику? – он поднес к носу кандидата здоровенный кулачище. – В воспитательных целях. Чтоб нос не задира.

– Вова, только без рук, – попросил Нечкин, которому на самом деле очень хотелось, чтобы безбашенный Маслобак отмутузил зарвавшегося кандидата. – Товарищ из Москвы. Требует к себе уважения. Его нужно просто вежливо проводить.

– Хорошо, – согласился Маслобак, шутейно обнимая кандидата за плечи. – Тогда пошли на воздух, там договорим. У меня к тебе вопросы накопились.

– Перестаньте хватать меня своими лапами! – возмутился кандидат. – Что вы себе позволяете?

Он подергал гаражную дверь, которая оказалась заперта.

– Я хочу уйти! – обратился он к Нечкину. – Вы мне можете открыть дверь?

– Открыть дверь? – обрадованно воскликнул Маслобак. – Гены троюродной бабушки зашевелились? Как же я забыл, вы же без швейцаров не можете! погоди! Это мы сейчас! Это у нас мигом!

Он схватил кандидата за воротник куртки и, отодвинув засов, дал московскому гостю под зад пинка. Тот, пролетев пару метров, воткнулся головой в сугроб.

– Швейцаров ему подавай! – крикнул он вдогонку. – А вот это видел? – Маслобак сделал рукой неприличный жест. – Хрен вам, а не швейцаров.

В гараж с ночной улицы порывом ветра задуло несколько снежинок. Начиналась метель. Маслобак захлопнул тяжелую гаражную дверь.

– Все, – сказал он, – проводил.

– Это безобразие! – кричал кандидат за дверью. – Вы мне очки разбили. Объясните хотя бы, как добраться до города. Я в милицию пожалуюсь

– Не буди во мне зверя, очкарик, – рявкнул Маслобак. – Ты ж хотел уйти? Ну и вали на все четыре. И скажи спасибо Шахматисту. Это он у нас такой добренький. А будешь ныть под дверью, я тебе глаз на жопу натяну и будет телевизор.

Угроза подействовала, за дверью замолчали.

– Это он привел кандидата, – показал Маслобак пальцем на Бульдозера. – Мозги совсем на своем тракторе растерял. Не видел, кого ведешь, Бульдозер? Это же эксплуататор, враг трудового народа.

Нечкин, осмелевший после депортации кандидата, решил напомнить всем, кто в гараже хозяин.

– Да при чем тут Бульдозер? – раздраженно набросился он на Маслобака. – Это ж ты этому кандидату чуть голову не оторвал. А если он и вправду в милицию побежит? Скажет там, что его хотели ограбить и синяк на жопе покажет от твоего сорок пятого? Ты слиняешь, а мне отвечать!

– Не побежит, – усмехнулся Маслобак. – Я ему, перед тем как пенделя дать, шепнул на ухо: стуканешь, сука, урою.

– Никто ж не знал, что он эксплуататор, япона мать, – оправдывался Бульдозер. – Я ж по-людски хотел. Вижу, приезжий человек мается в общежитии один, вот и предложил ему пойти в приличную компанию в шахматы поиграть. «Литр на двоих, – говорю, – купим и пойдём». Он согласился. На нем же не написано, что он кандидат.

– Да никакой он не кандидат, – вставил осмелевший Нечкин, – удостоверение липовое в переходе купил. У них в Москве так принято, без корочки никто не ходит. Если бы я захотел, у меня бы сто таких удостоверений было. Случайно он у меня выиграл, отвлекся я. Если б Маслобак его не депортировал, я б ему показал!

– Э, – вступил в разговор Гаттузов, – хлэбом клянус, это плохой чэловэк. Он, Боря, тэбя нэ уважает, нас нэ уважает. Давайте выпьем за хороших людэй.

Ближе к полуночи, когда выпивка закончилась, народ стал неохотно расходиться. Бульдозер решил сегодня заночевать в бытовом вагончике на полигоне, потому что оттуда утром уходил автобус на объект.

– Ты, главное, не парься по этому поводу, – сказал он на прощанье Нечкину, – никто не поверил, – он кивнул на дверь, – этому хмырю, хоть кандидат он настоящий. Свинья, конечно, порядочная, но специалист. Ловко он тебя обработал.

Бульдозер засмеялся.

– Че ты лыбишься? – не выдержал Нечкин. – Чужому горю радуешься?

– Ты, когда обыгрываешь, тоже радуешься и шутишь обидно, – пожаловался Бульдозер, – но я терплю, потому что мы с тобой друзья.

3

Проснулся Нечкин от того, что ближе к утру сквозь сон услышал голос.

– Завязывай бухать, Шахматист, – сказал кто-то мужским голосом. – Ты свою цистерну уже давно опустошил, а если будешь упорствовать, то коньки отбросишь в ближайшее время.

– Как, отброшу? – испугался Нечкин.

– А обыкновенно, как все алкоголики отбрасывают – по случаю, – пояснил голос. – Наше государство курс взяло на укрепление семьи, и всех, кто этому мешает, мы изолируем.

– И как же вы меня изолировать будете? – поинтересовался Нечкин.

– Не важно как, способов изолировать человека много, – ответил голос. – Самый простой и верный – это, конечно, отправить на тот свет.

– Я не хочу! – запротестовал Нечкин. – У меня жена, дети. Могу документы показать, свидетельство о браке, если не верите. Нет такого закона, чтобы людей за здорово живешь отправлять на тот свет. Этот финт у вас не выйдет! Я член профсоюза, за меня руководство заступится, потому что я передовик производства, на доске почета вишу. Грамоту мне недавно вручили за первое место по шахматам.

– Это все ерунда, – не обращая внимания на аргументы Нечкина, продолжал вещать голос. – Подумаешь, какой-то там член, мало ли у нас членов?! Куда ни плюнь, одни члены кругом. И на доске ты не висешь, потому что не передовик. Да и руководству на тебя по большому счету плевать с высокой колокольни. Не велика потеря – слесарь КИПиА. Тоже мне, фигура. А насчет грамоты по шахматам, так пешкой ты был, пешкой и помрешь. В ферзи выйти тебе не светит. Человек ты никудышный, никого не любишь, никем не дорожишь. Человеку, чтобы жить, зацепы нужны, а у тебя их нет.

Нечкин на секунду задумался. Обвинение было серьезным. Неожиданно в его голове мелькнула спасительная мысль.

– А мои дети? – воскликнул он. – Да, двое детей. Их, между прочим, воспитывать нужно, они еще маленькие.

– вспомнил! – голос усмехнулся. – Знаем мы твоё воспитание. Им без тебя даже легче будет, поплачут немного и забудут.

– Забудут? – переспросил Нечкин. – Но меня нельзя забывать. Я их отец.

– А как ты хотел? – продолжал голос. – Что они от тебя видели? Ты ведь им конфеты в последний раз пять лет назад покупал. Не нужен ты им. Они будут стыдиться даже вспоминать про тебя. Забудут, и все.

– Не говори так, не говори! – закричал Нечкин. – Мне страшно.

Он открыл глаза. В гараже было темно и тихо. Нечкин включил свет, осмотрелся. На столе стояли пустые бутылки, залапанные стаканы, сковорода, до блеска вылизанная котом. Над верстаком, как и положено, возвышался портрет гроссмейстера. На тумбочке дремал кот.

– Сон какой-то странный? – подумал Нечкин, испуганно осматривая гараж и заглядывая в вытяжную трубу. – Изображения нет, один звук.

Нечкин еще раз внимательно осмотрел гараж, даже под кровать заглянул. Но там было пусто. Тогда он, приложив ко лбу ладонь, проверил температуру и, не обнаружив таким способом никакого заболевания, закурил.

– Кто же это был? – размышлял Нечкин. – С кем я сейчас беседовал? А может, это все происки кандидата, его штучки? Может, он мстит за вчерашнее? – неожиданно промелькнула мысль. – Голос-то похож.

Нечкин задумался.

– Но откуда он про детей и конфеты знает? Может, жена рассказала? А может, она его и подслала, чтобы меня опозорить в глазах друзей, может, у них шуры-муры с кандидатом этим? Москвичи, они по бабам и ресторанам любят шастать. Неужели она с ним заодно? Только зачем ей пугать меня через кого-то? Она и сама хорошо умеет это делать. Тогда получается, что голос настоящий?

Придя после тревожной ночи домой, Нечкин зашел на кухню, где жена мыла посуду. На кухне вкусно пахло жареными котлетами. Нечкин сглотнул слюну.

– Сто лет котлет твоих не ел.

Он поднял крышку.

– Свиные! Ух, запах-то какой!

Вероника Павловна посмотрела на него, но ничего не сказала.

– Бросаю пить, Верунчик! Навсегда, – выпалил он.

– Кто ж с бодуна бросает? Ты сначала похмелись, а потом уж и бросай.

– Да не пил я, – соврал Нечкин. – «Запорожец» всю ночь ремонтировал. Клиент наклевывается. Просто, понимаешь, осознал, решил наконец стать другим человеком. Надоело жить в гараже, со всяким сбродом водку жрать. Ты была права – это не люди. Один чуть под статью не подвел, а другой веселился, когда меня на его глазах обыгрывали. Вот я и подумал: пора новую жизнь начинать. Все, как ты хотела. Я бы поел чего-нибудь перед работой?!

Он жалобно посмотрел на жену.

– Ты так вкусно готовишь!

Вероника Павловна молча поставила на стол сковородку и ушла в комнату. Нечкин жевал котлеты и думал, как ему жить дальше. Мысли путались, стройной картины грядущей счастливой жизни нарисовать он так и не смог.

На следующий день утром он пошел в гараж, чтобы наконец навести там хоть какой-то порядок.

– Раз я начинаю новую жизнь, – подумал он, – значит, нужно прежде всего покончить со старой – вынести бутылки и убрать мусор.

Не прошло и получаса после начала уборки, как дверь отворилась, и в гараж с мороза ввалились Бульдозер и Маслобак.

– Здорово, Шахматист, – поздоровался Маслобак, доставая из кармана бутылку водки. – По случаю воскресенья можно по сто граммов беленькой!

Кто ходит в гости по утрам,

Тот поступает мудро.

То тут сто грамм, то там сто грамм –

На то оно и утро! – продекламировал он.

– Чего ты такой угрюмый? – поинтересовался Бульдозер, присаживаясь за стол. – Случилось чего?

– Все, лавочка закрыта! – заявил Нечкин, отодвигая от себя бутылку. – Я сегодня, может быть, из-за вас всю

ночь не спал – все думал. Что ж я, дурак, делаю? С кем связался? Права моя жена, вы же асоциальные элементы! У одного ни кола ни двора, а другого не сегодня завтра посадят.

– Ишь, как запел, – удивился Маслобак, – посадят. Бабе своей мозги втирай! Небось, наобещал ей золотые горы. Дура она, если верит тебе. Решил нами прикрыться, мол, ты хороший, а мы плохие. Ну и гнида же ты. А ты что расселся, дефективный? – обратился он к Бульдозеру. – Видишь, нам не рады. Пойдем к Гаттузову, он с сегодняшнего дня в котельную вроде бы устроился. Там пузырь и раздавим.

Маслобак засунул бутылку в боковой карман куртки.

– Пошли, – толкнул он Бульдозера в бок. – Чего сидишь?

– Я догоню, Вова, – оправдывался Бульдозер. – Пару слов только скажу и мухой к вам в котельную.

– Смотри, долго не засиживайся, дизельная твоя душа, – подвел черту Маслобак, уходя, – ждать не будем. У нас два раза не приглашают, мать вашу.

– Ты что, действительно завязал? – почти шепотом спросил Бульдозер.

– Да, завязал, – подтвердил Нечкин. – Какие еще будут вопросы?

– Послушай, Шахматист, – Бульдозер подвинулся ближе к Нечкину. – Смотрю на тебя и думаю, япона мать, это что ж такое происходит, лучшие люди уходят! Это, конечно, твое дело, но все же мой тебе совет – резко не бросай. Организм загубишь, япона мать. Кого ты там все слушаешь, Шахматист? Жену, что ли? Нашел, кого слушать, япона мать. Она ж не о тебе печется, а о себе. Ты всю жизнь пил и, слава богу, жив и здоров пока. Зубы вон все целые, ни одного седого волоска, ни тебе диабетов, ни давлений. А почему? Потому что у тебя все витамины и прочие нужные вещества организм из портвейна и водки добывает, а бросишь, как он отреагирует? Нервной разгрузки нет, витаминов нет, – он загибал пальцы на руке, – ничего нет. Как отреагирует?

– Наверно, отрицательно, как ему еще реагировать? – сердито буркнул Нечкин.

– Правильно, япона мать, у тебя голова варит, – обрадовался Бульдозер, – бросишь резко – отнимется что-нибудь или камни где-нибудь зашевелиятся, наружу попросятся. Аппарат свои начнет давать, нарушая гармонию личной жизни. Тогда все – трындец. А еще механизм преждевременного старения может включиться, это я в газете недавно прочитал.

– Это что за механизм? – занервничал Нечкин. – Я что-то про такой не слышал.

– Вот, – продолжил рассказ Бульдозер, – у каждого человека он есть, этот самый механизм, только он дремлет. Человек живет себе и в ус не дует, но иногда вдруг механизм включается и тогда человек может за год состариться и умереть. Там пример приводился: одна тридцатилетняя бразильянка за полгода состарилась до восьмидесяти лет и умерла.

– От чего?

– От старости, отчего же еще! – заверил его Бульдозер. – Страшная вещь! Отсюда вывод: либо не бросай совсем, либо бросай, но постепенно, с умом, не сразу. Уменьшай дозу разового употребления, смени стакан на рюмку, пей, в конце концов, только по выходным, как все люди. Водка, она ведь натуральный, экологически чистый продукт, дает расслабление организму и многочисленные полезные вещества. Я недавно в газете прочитал – нашел у себя в вагончике, кто-то сало заворачивал, испортил такую статью, но прочесть было можно. Там один ученый так прямо и пишет, что ежедневный прием водочки перед сном снимает стресс и удлиняет жизнь. Вот, нашелся хоть один честный человек, людям правду сказал, а то заладили в один голос: водка – яд, водка – яд. Сами-то, небось, хлебают будь здоров.

– Да я б не бросал, – почесал затылок Нечкин. – Да голос мне был, понимаешь?

– Какой голос? – удивился Бульдозер.

– Оттуда, – Нечкин показал рукой на небо, – или оттуда, – ткнул пальцем в землю, – не представились. Ска-

зали только, чтобы пить бросал, да поскорее, не то хуже будет.

– Вон оно в чем дело! – протянул Бульдозер. – Значит, они и до тебя добрались. А я не пойму, откуда такие ветры, японка мать, ни с того ни с сего бросают пить люди. И какие люди. Не обращай внимания, – успокоил он, – пугают они только. Будешь всех слушать – себя потеряешь. Мне самому пару лет назад император Наполеон привиделся.

– Как? – удивился Нечкин. – Тоже пить приказывал бросить?

– Наоборот, – Бульдозер засмеялся, показывая редкие зубы, – предложил коньяка ихнего выпить, хе-хе, «Наполеона».

– Ну, а ты?

– Отказался, что я, псих что ли, организм испытаниям подвергать. Я ему нашего напитка налил, на дубовой коре настоящего. Посидели немного. Правда, он ушел быстро, на дела сослался неотложные.

– Больше не приходил? – уточнил на всякий случай Нечкин.

– Нет, японка мать, на второй визит не сподобился, как никак император. А у тебя голос какой-то. Тьфу! Может, это и не наш голос, а оттуда, – он кивнул головой на пыльный радиоприемник. – Может, это вражеская пропаганда с целью подорвать наши устои и обороноспособность.

Нечкин не нашел, что возразить. Как ни крути, а жизненный опыт у Бульдозера будь здоров: в армии был танкистом, потом после армии год сидел за хищение солярки, двух жен бросил сам, третья бросила его, пять лет на Севере бурил, одних записей в трудовой больше двух десятков – с таким не поспоришь.

На прощанье Бульдозер протянул крючковатую жилистую руку с мазутом под ногтями, отмыть который, наверно, было уже невозможно, вздохнул на пороге:

– Такая она наша жизнь, что хрен разберешь, где черное, а где белое. Все в тумане полного непонимания.

После ухода Бульдозера Нечкин крепко задумался. Многое из того, что он говорил, было правдой. И про витамины, и про полезные свойства водки. Если бы не этот дурацкий голос, то можно было бы преспокойненько жить, как прежде.

– Может, это все-таки происки москвича? И дернул же черт этого Маслобака дать ему пинка. Теперь вот сиди и думай – он, не он. А с другой стороны, прислушаться к вещателю не мешает. А вдруг это не москвич? Вдруг на самом деле голос оттуда? А с небесной канцелярией лучше не ссориться, у них там свои законы.

Решил Нечкин так: на месяц завязать, посмотреть, как дело обернется, а если вдруг все будет хорошо, то, послушавшись совета мудрого Бульдозера, вернуться к прежней счастливой жизни.

Месяц тянулся долго. Жизнь потеряла цветные оттенки, стала серой и нудной. Ощущения исчезли полностью. Телевизор он смотреть не мог, в шахматы играть было не с кем, а желание выпить не исчезало даже во сне. Возникла серьезная проблема – куда себя деть? В голову лезли разнообразные мысли, иногда очень глупые – о мирном сосуществовании двух политических систем, о том – действительно Ельцин пьет или нет и о том, какие жены у папуасов, такие же, как у нас, или другие? Нечкин пробовал думать о семье и работе, но из этого ничего не получалось. Его тянуло к абстракциям.

Неожиданно для себя Нечкин обнаружил, что у него есть внутренние органы: печень, почки, желудок, сердце и еще голова. Она как будто разделилась на две половинки и попеременно болела то правая, то левая ее часть. Теперь у него каждый день что-то кололо, где-то ныло, а как только он вспоминал о выпивке, то его сразу бросало в жар, на лбу и спине выступал холодный пот.

– Неужели включился механизм преждевременного старения? – со страхом думал он. – Надо же, всего месяц в завязке, а такие последствия. Так ведь и в ящик можно сыграть за здорово живешь! Организм витаминов требует и плевать ему на какие-то голоса.

– Выпью чуть-чуть, – после нескольких дней сомнений решил Нечкин. – Что ж преждевременно угасать?

Тянуть не стал. Вечером в гараже выпил стаканчик для пробы, со страхом прислушался – голос молчал. Выпил на следующий день уже больше – утром проснулся – тихо. В зеркало глянул – вроде, помолодел, щечки розовые, лицо повеселело, мешки под глазами исчезли, аппетит появился.

– Хорошо, значит, организм на поправку идет, – отметил с удовлетворением Нечкин.

Утром он пошел к Маслобаку. Поднялся на третий этаж, позвонил. Дверь открыла жена.

– Чего тебе? – загродила она своей пышной фигурой вход. – Если б ты знал, Нечкин, как вы все меня достали. Она хотела захлопнуть дверь.

– Мне б Вову, – попросил Нечкин, – всего на пару минут, и я исчезаю.

– Иди, к тебе пришли, – крикнула жена Маслобаку.

– Кто?

– Шахматист твой любимый. Соскучился, наверно, со вчерашнего дня не виделась.

Маслобак, увидев Нечкина, удивился.

– Что приперся? Вспомнил про корешей?

– Найди Бульдозера, – попросил Нечкин, – и приходите сегодня вечером в гараж – обмоем мое возвращение в строй.

– Хорошо, – пообещал Маслобак, – мы будем, хоть ты и скотина, конечно.

Больше всех радовался возвращению Нечкина Бульдозер, он как раз из командировки вернулся.

– Молодец, Шахматист, японка мать, – сказал он. – Сила воли у тебя будь здоров. Это ж надо, месяц не пить! Это ж никакого здоровья не хватит!

Лечебно-трудовой профилакторий, куда врача-нарколога Ромашкина назначили заведующим, был заполнен только на треть.

– Непорядок, – думал Ромашкин, бродя по пустым палатам. – Государство вложило деньги, а отдачи нет. Нужно шире рекламировать наши услуги, и народ пойдет, еще не весь пьющий контингент охвачен.

Вооружившись приказами и постановлениями, он начал сколачивать гвардию пациентов из пьющих работников железнодорожного транспорта. Добровольцев, правда, не нашлось, всех пришлось направлять принудительно, при помощи родственников, участковых и судов.

Вероника Павловна о профилактории узнала от своей матери, собиравшей все сплетни в округе и знавшей все новости.

– Что ж ты, тянешь? – напутствовала она дочь после очередного ночного явления Нечкина народу. – Вон умные люди все уже заявления написали в милицию. Пиши и ты. Подумай о себе, пока молодая. Нужно ж его как-то изолировать. Сколько терпеть-то?

– А может, это вредно? – сомневалась Вероника Павловна. – Что они им там колют?

– Уж не вреднее водки, – не унималась теща, – лекарства как-никак. А тебе не вредно на его рожу пьяную каждый день смотреть? Неча его жалеть. Что вколют, то и вколют. Им виднее, что алкашам вкалывать.

Вероника Павловна долго сомневалась, но после того как Нечкин, упившись до бессознательного состояния, сходил по малой нужде в кладовку, отнесла заявление участковому. Согласно этому заявлению загредел Нечкин в так называемый лечебно-трудовой профилакторий для лиц, злоупотреблявших спиртным, который похож был больше на воинскую часть: подъем по часам, зарядка, завтрак, уборка территории, окраска забора, покос травы, лекции о здоровом образе жизни, личное время и отбой в 22.00.

Ромашкин, которого все пациенты называли Лютиковым, не давал бедным алкоголикам прохода – пичкал всевозможными таблетками и ежедневно читал лекции о вреде алкоголя. Народ стонал, но терпел. Многие таблеток не пили.

– У меня и так печень ни к черту, – жаловался пенсионер Елисеич. – Вино пить уже не могу, только беленькую организм принимает, а Лютиков, гад, нам химию внутрь пихает. Пусть сам ее кушает!

Солидарность в этом вопросе в палате была всеобщей. Таблетки никто не принимал.

Когда Нечкин рассказал друзьям по несчастью о голосе, его сразу зауважали.

– Смелый ты мужик, – сказал Елисеич, старейшина палаты.

Ему было уже под семьдесят, и из них добрых полвека он прикладывался к рюмке.

– Мне когда поллитровки с этикетками вместо крыльев привиделись, целая стая, я год не пил, – поделился он воспоминаниями. – Жене наобещал черт знает чего, у меня тогда еще жена была, – пояснил он. – Да, представляете, испугался.

– Они безмолвно летели по небу, – вспоминал он, – только этикетками помахали на прощанье, как крыльями, и скрылись за горизонтом. А ты после голоса оттуда, – он показал пальцем вниз, – всего месяц воздерживался. Уважаю. Вот, честное слово, тебя есть за что уважать, Шахматист.

– А водка-то какая летела? – поинтересовался рыжий хмырь из соседней палаты. – «Столичная» или «Московская»?

– «Пшеничная» с желтой этикеткой, – уверенно сказал Елисеич. – Да, точно помню, «Пшеничная».

– Хороший сон, – с завистью сказал хмырь.

– Да не сон это был, – оборвал его Елисеич, – говорю ж тебе, ви-де-ни-е. Днем это было. После этого и завязал почти на год. А у человека, видишь, голос. Видения, они чаще, чем голоса, мне один врач рассказывал. Голоса – это редкость.

Нечкину было приятно такое внимание к собственной персоне. Про голос спрашивал и Лютиков и аккуратно записал все услышанное в историю болезни.

– А голос был без зрительного образа? – уточнял Лютиков. – Я повторяю, галлюцинации были только слуховые? Ну, никто вам из известных людей не являлся, не садился к вам на кровать, не предлагал выпить или сходить куда-нибудь, например, на рыбалку?

– Нет, – спокойно рассказывал Нечкин. – Никто не являлся, ни шах персидский, ни президент Америки, водочные бутылки с крыльями не залетали, на рыбалку Наполеон мне сходить не предлагал. Только голос, да и то один раз.

– Значит, вы проснулись, встали с кровати, а голос все еще говорил? А на улице был день?

– Да, – подтвердил Нечкин, – утро. Я проснулся, а он все еще говорил. Но недолго.

– А что он говорил?

– Говорил, что государство взяло курс на укрепление семьи и что меня из-за этого нейтрализуют, – вспоминал Нечкин.

– Нейтрализуют? – переспросил Лютиков. – А как именно, не сказал?

– Как-то, знаете, подробностями не поделился, – обиделся Нечкин.

– Ну что ж, нейтрализуют – это хорошо, – записывая и одновременно думая о чем-то своем, пробормотал Лютиков.

Подобных случаев в его практике еще не встречалось. Случай с Нечкиным отличался от других тем, что у него не было зрительных галлюцинаций. Это увлекало Лютикова как врача, поэтому он уделял Нечкину больше внимания, чем другим. Иногда они играли в шахматы, причем Лютиков постоянно ошибался, хватался за голову и просил Нечкина разрешить ему переходить. Тот разрешал и советовал Лютикову изучить теорию. Как-то Нечкин не удержался и рассказал Лютикову историю о том, как он не стал мастером спорта, а заодно и про АLEXИНА, и про их потенциальное родство по причине внешнего сходства. Лютиков весь рассказ аккуратно вписал в историю болезни.

– А у вас фотографии Алехина при себе случайно нет? – поинтересовался он.

– Нет, при себе не держу, – ответил Нечкин.

– Жаль, – огорчился Лютиков, – мы б ее к истории болезни подшили.

В больнице Нечкину, несмотря на наличие большого количества товарищей по несчастью, жилось невесело. Он вспоминал жену и детей, и к сердцу подступала тоска. Это было неведомое ему доселе чувство, как будто он навсегда расстается с ними.

Несколько раз его навещал неунывающий Бульдозер, говорил, что все ребята привет ему передают и ждут с нетерпением, когда он выйдет на свободу.

– А других никого не замели? – интересовался Нечкин.

– Нет, – докладывал Бульдозер. – Отправляют на лечение только железнодорожников.

Когда в палате тушили свет, Нечкин закрывал глаза и размышлял о боге и о голосе в гараже.

– Почему они все так несправедливы ко мне? А может, ни бога, ни голоса вообще нет? Я есть, потому что лежу сейчас на больничной койке и не сплю, а их нет, они миф. Лютиков прямо говорит – галлюцинации на почве алкоголизма. Только, конечно, он заблуждается, никакой я не алкоголик!

Во время одного из свиданий Бульдозер принес Нечкину книгу.

– Зачем? – не понял Нечкин. – Здесь хорошая библиотека, книги разные по всем разделам — классика, приключения, фантастика.

– Такой нет, – подмигнул ему Бульдозер, – прочтешь – поймешь. Держи первый том, а второй принесу в следующий раз.

На толстой книжке было четко готическим шрифтом напечатано название «Дон Кихот». После обеда Нечкин решил немного почитать и раскрыл книгу. Увиденное удивило его. В книге было вырезано углубление, в котором размещалась металлическая плоская фляжка. Неч-

кин открутил крышку и понюхал. В нос ударил резкий запах самогона. Сердце его радостно заколотилось.

– А на проходной ведь не догадались! – подумал он. – Ну, Бульдозер! Ну, голова!

Нечкин пил самогонку в туалете ночью, чтоб не засекали санитары.

Накануне ему что-то кололи в вену, что, он не знал – в заведении никто пациентам не докладывал, что им вливают в организм.

– Хорошо, когда есть друзья, – думал Нечкин, сидя в сине-зеленом халате на крышке унитаза. – Значит, я правильно живу, если у меня есть друзья. Они меня понимают и уважают. Вот выйду отсюда и начну новую жизнь. Утром в гараж схожу, Рыжика накормлю, нарву букетик ромашек у лесополосы и жене подарю, пусть порадует. Зачем на нее обижаться – она ведь слабая женщина. С полочки Ванечке джинсы вареные куплю и кроссовки, он давно просил, а Даше, доченьке моей любимой, бусы или колечко и еще конфет, много-много вкусных конфет. Пусть кушают. А долги подождут. Долги я потом отдам. Заработаю и верну.

Умер он во сне. Перед смертью увидел родительский дом и сад с цветущими деревьями. На берегу реки стояли в ряд беленые крытые черепицей хаты. Ворота дома, где он родился, были широко распахнуты настежь. Возле ворот толпились люди, все они были чужими, незнакомыми, с каменными, ничего не выражающими лицами. По улице шла мать, которая умерла, когда ему исполнилось шесть лет и которую он не помнил, она была в белой длинной ночной рубашке, молодая, красивая. Нечкин отчетливо различал черты ее лица и точно знал, вернее, чувствовал, что это его родная мать. Она улыбнулась, поманила его рукой, и он пошел к ней по цветущему ряду яблонь в рубахе навыпуск, босиком по мокрой от дождя траве. Ноги казались ватными и слушались плохо, каждый шаг давался с трудом. Страх не было. Была только тихая детская радость и ощущение защищенности и свободы.

ДВОЕ В ПУСТЫНЕ

Пожилый высокий сухопарый гражданин в фетровой шляпе, старом с рукавами-реглан бежевом плаще и стоптанных туфлях стоял на пороге редакции газеты «Новый путь» и внимательно разглядывал перекосившуюся и выцветшую от времени вывеску. Его немного вытянутое выразительное лицо с тонким подбородком обрамляла куцая бороденка. Фамилия гражданина была Пупков. В руке он держал коричневую кожаную потертую папку, где лежал написанный накануне рассказ. Предыдущий шедевр в стихах – поэму «О голубом» редактор газеты тов. Манькин, известный всему городу как ретроград и редкостная зануда, постоянно придирающийся к местной литературной братии, безжалостно забраковал.

Наконец собравшись с силами Пупков вошел в редакцию, бросив окурки в кадку с фикусом, стоявшую в темном углу. Все курящие сотрудники, включая главного редактора, а также многочисленные посетители редакции, бросали окурки именно в нее, а не, как полагается, в урну, стоявшую рядом. Кадка была выше и шире, да и швырять окурки в пузатую емкость с широколистным гигантом было гораздо приятнее.

Подойдя к редакторскому кабинету, он постучал. Никто не ответил. Пупков приложил ухо к замочной скважине и напряг слух. За дверью послышалось какое-то шуршание, он постучал еще раз.

– Да-да, входите, – раздалось оттуда.

Пупков нерешительно бочком втиснулся в кабинет. За столом, где обычно грузно возвышался тучный редактор, никого не было.

– Садитесь, я сейчас, – донеслось из-под стола. – Я быстро.

Не дожидаясь появления редактора, Пупков решил взять сразу быка за рога. Разговаривать с редактором, сидящим под столом, ему было даже удобнее.

– «Пустыня», – сказал он, деловито кладя на стол листки бумаги, скрепленные сверху для надежности бухгалтерским зажимом.

– Рассказ о любви на фоне дышащих зноем азиатских песков. Прежде чем прийти к вам, товарищ Манькин, – сказал он, нагнувшись под стол для удобства беседы, – к общепризнанному профессионалу пера, так сказать, я, как водится, представил рассказ у нас на литобъединении «Колос», и все члены единодушно нашли его удивительно реалистичным и современным. Наш критик – бывший начальник отдела торговли, а теперь заслуженный пенсионер товарищ Баранов назвал его гениальным. Сам Баранов писать не может, поэтому критикует других.

Комментарии Пупкова по поводу гениальности его рассказа Манькин, который в это время переобувался из комнатных тапочек в тесные лакированные туфли, купленные женой по случаю и без примерки на сезонной распродаже, пропустил мимо ушей. При посетителях было неудобно шлепать по кабинету в комнатных тапочках. Единственное, что засело в редакторской голове из сказанного Пупковым, так это необычное название. За длительное время работы в газетах он приобрел довольно редкое качество слушать и одновременно не слышать то, что ему говорили. Его профессиональный мозг добросовестно отбрасывал ненужную информацию, как старатель при отмывке золота пустую породу, оставляя только нужное и ценное, – то, что представляло интерес для газеты.

– «Колос» – это, скорее, название колхоза или футбольной команды, чем литобъединения, – бросил он реплику.

Левая нога растопталась в удобных просторных тапочках и никак не хотела влазить снова в тесное пространство лакированного ботинка. Наконец, сделав усилие, Манькин заставил ее туда влезть и довольный выглянул из-под стола.

– Вы что, литстудия при агроуправлении, аграрии пера, так сказать? – весело спросил он. – Пашете ниву отечественной провинциальной литературы?

Главный редактор был человеком добрым, но ироничным, и любил поупражняться при всяком удобном случае в острословии.

– Нет, мы сами по себе и к аграриям пера не имеем никакого отношения, – категорично отмежевался от

аграрного сектора Пупков. – У нас даже фермера ни одного нет. Ветеринар, правда, недавно один прибился, басни пишет, – добавил он. – А я вот рассказ написал. Можно сказать, проба пера в прозе.

– Рассказ, говорите? – Манькин хмыкнул. – А я думал, принесли очередную поэму. Я предыдущую «О голубом» забыть не могу:

На берегу Карамыка
Я выпил с бабой коньяка.

– Лихо! Явно, что-то автобиографическое? Придумать такое невозможно, это нужно пережить, прочувствовать. Вы действительно раздавили с кем-то пол-литру на берегу указанной реки или это поэтическая аллегория? Детали этого мероприятия, во всяком случае, вы описали достаточно ярко. У вас там есть великолепное место, – он щелкнул в воздухе пальцами, как факир. – Вот, вспомнил:

Бродила голая луна,
Как женщина в степи одна.

– Почему вы так уверены в том, что женщины бродят по ночам в степи, да к тому же голые. Лично я за ними этого не замечал. То есть они, конечно, бродят периодически, возможно и по степям тоже, но отнюдь не одни. Не такие они дуры. Зачем им, молодым, полным жизненных сил, красивым женщинам бродить в одиночку по каким-то буеракам – они же не странствующие рыцари. Женщины ищут места более оживленные, где есть мужчины и развлечения. Вы, Пупков, своими стихами вступаете в серьезные противоречия с нашей прекрасной действительностью и напрочь отрицаете здравый смысл, как это делали махровые имажинисты во главе с воинствующим Шершеневичем и умеренным Есениным. Кстати, последний с ними порвал и встал на путь соцреализма, решив, что доминирование формы над содержанием ему не подходит. Поиски новых форм могут завести вас в творческий тупик, друзья по литобъединению от вас откажутся и будут писать на вас пасквильи. Хоть мне лично ваша

поэма и понравилась именно своей абсурдностью. Но печатать ее нельзя. Меня уволят с работы. Что поделать – живем в век рационализма и бездушных технологий. Для провинции это слишком смело. Можно в Москве попробовать – там любят всякой белибердой по читательским мозгам поездить. Могу подарить вам несколько строчек в разработку, на соавторство не претендую. Местные авторы, замечу, очень любят включать географические названия в тексты своих стихов. Это такой местный квасной патриотизм вместо таланта.

– Действие происходит на берегах различных рек и водоемов.

Манькин встал с кресла, картинно подняв кверху правую руку, стараясь принять позу римского сенатора, толкающего речь, и стал декламировать:

На берегу реки Кума
Я от нее сошел с ума.
На берегу Суркуль-реки
Кадрили девок чуваки.

– Если хотите, можем расширить границы, поэзия – она ведь безгранична.

На берегу Егорлыка
Свалял я с дамой дурака.
На берегу реки Марух
Я вдруг влюбился сразу в двух.

– Кстати, на отдыхе это случается довольно часто, – прокомментировал Манькин свои топорные куплеты. – Человек теряется, видя такое изобилие женщин вокруг, и начинает ухаживать сразу за всеми, боясь что-то не успеть. Вы это должны хорошо знать, Пупков. В вашем творчестве прослеживается женская тема. Займитесь изотерикой – с реализмом у вас, явно, туговато.

Пупкову такое начало беседы не понравилось. Он не ожидал, что редактор припомнит ему неудавшуюся поэму «О голубом», да еще привесит ярлык какого-то там имажиниста.

– Со стихами покончено, – сказал он, стараясь держаться как можно естественнее. – Стихи, как я недавно понял, – не мой формат. Мне не нравится в них то, что мысли нужно рифмовать, это отнимает слишком много времени.

– Но это вовсе не обязательно, как вы выразились, рифмовать, – развеселился Манькин. – Стихи ведь бывают и без рифм, белый стих, например, или более современный свободный стих – верлибр.

– Да? – удивился Пупков. – А я и не знал. Значит, можно и без рифм?

– Можно-можно, – махнул рукой Манькин, – уже давно, лет триста, а то и больше как можно. Еще старик Шекспир, которому, наверно, как и вам, было скучно рифмовать свои мысли, витийствовал с подмостков театра «Глобус» белым стихом. Созданы целые ассоциации верлибристов – людей, которые на дух не переносят не только рифму, но и ритм. Фактически, шпарят прозой, хитро записывая ее столбцами, как стихотворения. Вы тоже можете туда записаться. Адрес и телефон у меня есть. Любопытно было бы почитать ваши опыты в этом литературном жанре.

– Я пробую себя в разных жанрах, – не без гордости признался Пупков, – и не зацикливаюсь на чем-то одном – это скучно. Теперь вот проза – небольшой рассказик на семь листиков. Сюжет современный – налаживание личной жизни без отрыва от производства. По сути, служебный с налетом легкой эротики роман. Все известные столичные литераторы наперебой пишут производственные эротические романы и повести. Я тоже решил попробовать. Только у меня не как у них, а наоборот. Все то, что в их произведениях делают олигархи и проститутки, в моем рассказе делают обычные люди. Действие происходит на необъятных просторах нашей родины, в одной из южных республик. Кругом верблюды, знаете ли, корабли пустыни, оазисы, барханы, ну, в общем, полная экзотика.

– Многовато для нас, – Манькин критически посмотрел на неряшливого вида рукопись, лежащую перед ним, и

поморщился. – Да и тема не наша. Хоть, конечно, корабли пустыни, вздыбленные волны песчаного моря, самум, навевающий барханы. Оригинально!

– Вот-вот, – поддакнул Пупков, – именно, волны песчаного моря, как вы правильно выразились. Это прямо в точку! Хотелось перенести героев в экстремальные условия для закалки характеров. Очень симпатично получилось. Можно даже в краевой прессе печатать.

Редактор помрачнел. Хорошее настроение мгновенно улетучилось. Упоминание о краевой прессе разбередило старую рану. В юности он мечтал работать в крупной региональной газете, но его туда упорно не брали – то ли покровителей не хватило, то ли таланта. Всю жизнь он проработал в районных газетах, летая из одного кресла главного редактора в другое. По этой причине он недолюбливал краевые издания.

– Симпатично-то – симпатично, но очень много, – сказал он серьезно. – А текст ваш купировать придется.

– Как-как? – растерялся Пупков, плохо знавший нравы редакционных кабинетов. – За что купировать?

– А ни за что. Вырежем половину, а может и больше, вот и все. В крае с вами тоже нянькаться не будут. Выбросят все главное, перевернут с ног на голову сюжет да еще и свое допишут. Сплошь одни халтурщики и карьеристы. Они, видите ли, стоят на переднем крае борьбы за культуру! А мы где, по-вашему, стоим, мы, районные газетчики, в хвосте очереди к бочке с разбавленным пивом? Мы им не Ваньки с мыльного завода.

Редактор разглагольствовал, а Пупков ерзал на стуле и не знал, куда себя деть, ему не терпелось поскорее приступить к главному – обсуждению его рассказа.

– Надо же, какая зануда, – думал он, – теперь ему чем-то краевые газеты не угодили. Зачем я здесь расселся как дурак? Нужен был ему триста лет мой рассказ. Он его, наверно, в урну выбросит сразу, как только я уйду. Жаль, рассказ-то хороший получился, жизненный.

Манькин как будто прочитал его мысли – посмотрел сначала на рукопись, лежавшую на столе, потом на рас-

терявшегося Пупкова, улыбнулся, достал из футляра с нарисованной рыбкой очки и совершенно неожиданно пожаловался:

– Тираж за горло держит, рекламодателей мало, конкуренты наседают, а учредитель требует роста числа подписчиков. Что делать? Нужны яркие материалы, актуальные, а вы несете, извините, всякую ерунду. То у вас, извините, что-то голубеет, то вы напитки распиваете на берегах рек в дамском обществе. Нужно же как-то взять себя в руки и перестать писать чушь – работать над словом нужно, образы выстраивать. Искать положительного героя нашего времени.

Он старался выражаться поделикатнее, зная, что все начинающие писатели очень самолюбивы и обидчивы.

– А я работал, выстраивал и искал, Аркадий Моисеевич, – обрадованно сообщил Пупков. – Все, как вы рекомендовали. После нашей с вами последней встречи, когда вы правильно раскритиковали мою поэму «О голубом», на меня как просветление нашло. Бросил стихи и вот на прозу плотно присел.

– Нам не важно, товарищ Пупков, проза это, стихи или очерк о передовике производства, – перешел Манькин на официальный тон. – Нам нужно, чтобы было талантливо, занимательно, с краеведческим уклоном и листика два, два с половиной – не больше.

– Насчет таланта можете не сомневаться, – похлопал по рукописи Пупков. – Там все по полочкам разложено – экспериментальная вещь: каждый характер, каждый барханчик, каждое бревнышко.

– Какое такое бревнышко? – Манькин с недоумением посмотрел на Пупкова. – Опять за старое? Вот где у меня уже ваш модернизм, – он похлопал себя по затылку. – Писать без ошибок не научились, два слова связать не можете, а туда же – экспериментировать. Пишете черт знает что. Откуда бревна в пустыне? Забирайте вашу экспериментальную писанину и не морочьте мне голову!

Манькин подвинул рукопись ближе к Пупкову.

– Забирайте! Вышлите свой опус в общество «Мемориал», лесоповалы – это по их части.

Пупков, который немного побаивался редактора после предыдущей встречи, когда тот наговорил ему кучу всяких нелицеприятных вещей, почувствовал, как от страха по телу в направлении левой ноги пробежала стая мурашек.

– Да это я так неудачно высказался, – поправился он, возвращая рукопись на прежнее место. – Нет там никакого лесоповала. Я интеллигентный человек, техникум железнодорожный в свое время закончил, всю жизнь занимался интеллектуальным трудом – ловил безбилетников и составлял протоколы. Поэтому не могу выражаться образно, поэтически – лезет какая-то казенщина из меня. Думаю одно, а говорю другое. Трудно мне развиваться, совершенствовать свое мастерство без настоящего наставника. Хочу с умным человеком поговорить а не с кем. Вакуум вокруг, пустота. А нас в городе, интеллигентных людей, может, и осталось всего два человека, вы да я.

– Как, двое? – удивился Манькин. – Вы что-то путаете! Должен еще кто-то быть!

– Ну, может, еще кто-то и затесался, кого я не знаю, – неуверенно добавил Пупков. – В моем окружении их нет точно. А может, вы кого вспомните из ваших знакомых?

Манькин задумался и стал перебирать в памяти многочисленных знакомых. Пупков все это время сидел и внимательно наблюдал за тем, как Манькин старался вспомнить фамилию хотя бы кого-то, кто не растерял в этой жизни качества интеллигентного человека.

– Пожалуй, вы правы, – сказал Манькин, выходя из раздумья, – среди моих знакомых интеллигентных людей нет. Раньше когда-то были, я это точно помню. А вот куда все делись?

Это открытие его огорчило.

– Да вы не расстраивайтесь, – утешил его Пупков. – Ничего страшного, проживем как-нибудь. Да и откуда им здесь взяться, – рассуждал он. – Городишко маленький, провинциальный. Театров нет, консерваторий тоже нет, музей краеведческий был, так и тот прикрыли, пустили с молотка здание, у него крыша текла, решили, что лучше

продать, чем отремонтировать. Теперь там очередной «Магнит» с персоналом грузчиков, продавцов и охранников. Вот вы – образованный и грамотный творческий человек. Протяните руку помощи такому же творческому человеку – напечатайте рассказ. Не кладите под сукно, – с мольбой в голосе сказал Пупков. – Газета даже выиграет от этой публикации.

– Не думаю, чтоб ваша, с позволения сказать, проза способствовала увеличению тиража, – выразил сомнение Манькин.

– Вам же нужен тираж? – оживился Пупков. – Тираж будет. В этом городишке каждый второй житель – мой хороший знакомый. Вы, главное, печатайте, а тираж я вам гарантирую. Вам тираж – мне читатель.

Тема читателей для Пупкова, как и для любого начинающего автора, ставшего на тернистый путь сочинительства сразу после выхода на пенсию, была больной. Он стал добровольным заложником своего нераскрытого таланта. Не писать он уже не мог, а творить, зная, что рукопись никто не прочитает, было просто невыносимо.

Писать он начал два года назад. Однажды проснулся утром и почувствовал творческий зуд, желание взять в руки перо и создать что-нибудь великое и значимое на ниве отечественной литературы. Это могла быть поэма или роман, в который вошло бы все: и трудные будни ревизора на кисловодской ветке, и значимые факты истории города в лицах с эпохальными портретами руководителей, можно было бы вставить и небольшой детективный сюжетик из личной биографии, когда Пупкова, по его мнению, несправедливо привлекали к ответственности за провоз безбилетных пассажиров, ну и, конечно, самое главное – любовь. Но для того чтобы приступить к написанию большого полотна, нужно было набить руку на мелочах, обкатать написанное в местной прессе.

Главный редактор газеты мечтал о другом: поскорее выйти на пенсию и никогда ничего больше не писать, не встречаться ни с какими самодеятельными писателями,

коллегами, начальниками, кураторами, различными депутатскими группами и группировками, не выписывать и не читать никаких газет, забыть, что такое правка, тираж, рекламоделатель и день выпуска газеты – просто жить, не вписываясь ни в какие инструкции и не выполняя ничьих установок и пожеланий.

Пупков в последнее время пробовал себя в прозе, до этого безуспешно штурмовав редакционные бастионы всех городских и районных газет. Штурм не удался – бастионы устояли. Даже местные газеты, за неимением лучшего печатавшие любой зарифмованный бред самодеятельных авторов как первосортные стихи, отказывались брать его многостопные вирши. Нужны были какие-то новые аргументы, подтверждающие его гениальность.

– Кстати, нашего председателя литобъединения «Колос» недавно приняли в академики, – похвастался он.

– В какие академики? – не понял Манькин. – Это что-то новое, академики в нашем городе. С докторами и кандидатами наук мы как-то свыклись, хоть их развелось столько, что на всех студентов не хватает. Какие у нас могут быть академики? – Манькин недоуменно пожал плечами. – Просто глупость какая-то!

– Ну, как какие? – возмутился Пупков. – Самые обыкновенные, академики изящной словесности, эквилибристы слова.

Манькин был человеком ленивым, но не глупым. Хоть он и просидел большую часть своей жизни в кресле редактора заштатной газетенки, но все же имел очное филологическое образование и понимал истинное значение слова «академик». На его полном круглом без морщин и складок лице появилась ироничная улыбка.

– Академики, значит? – повторил он, стараясь подражать интонации Пупкова. – Изящной словесности! Эквилибристы слова? Ну-ну. А почему сразу не лауреат Нобелевской премии? Надо же, до чего дошли демократические преобразования в стране! А у этого академика изящной, как вы там выразились, словесности хоть высшее образование есть? База, так сказать, научная? Он

хоть одну книжку по языкознанию прочел? Пишет без ошибок? Знает, что есть фонетика, морфология, синтаксис? Знает, в конце концов, что есть великая русская литература?

– Может и не знает, – подтвердил сомнения редактора Пупков. – Что литература есть, знает, но что она великая – нет. Товаровед он по образованию – книжек не читал. Вернее, читал, но мало. Да и некогда ему было – сначала работал грузчиком, чтоб прокормиться, учился заочно в техникуме, потом семейный быт налаживал, дачу строил, на машину копил и так до самой пенсии. В общем, типичная судьба провинциального писателя. Сейчас бы ему засесть за книжки – да зрение уже не то и памяти нету. Семьдесят лет – не шутка. Да и некогда нам классиков штудировать, лить из пустого в порожнее, мы еле-еле успеваем друг друга читать. Наш академик черпает знания и вдохновение не из учебников и книжек, а напрямую, без посредников, из жизни, что гораздо ценнее. А академики без образования в России, по сути, не такая уж и редкость. Вот при Хрущеве Никите Сергеевиче академик Лысенко был, урожайность полей поднимал, по-своему, по-мужицки. Настоящий мичуринец. В тринадцать лет человек только читать научился, и ничего, в академики вышел без докторских и кандидатских диссертаций, своим умом до всего дошел и народной мудростью. От сохи, так сказать, в науку.

– Получается, что ваш академик изящной словесности что-то вроде Лысенко, только в литературе, – сделал вывод Манькин.

– Вроде того, – согласился Пупков. – В вопросах науки должна быть преемственность.

– Ну, и как там у вас, в вашем «Колосе», яровизацию еще не внедрили?

– Какую яровизацию? – опешил Пупков.

– Ну как же, какую, – рассмеялся Манькин, – обыкновенную, укрепление жизнеспособности растений низкими температурами. Что-то вроде закаливания. Это теория академика Лысенко. Он активно внедрял ее, как вы недавно выразились, на бескрайних просторах родины,

сажая кукурузу за полярным кругом. Правда, идею яровизации потом признали антинаучной и вредной, но это не важно. Важно, что он действительно долгое время числился академиком. А гонений на менделистов – сторонников генетики пока нет?

– Нет, гонений никаких нет, – заверил его Пупков. – Помещение для заседаний предоставляют бесплатно, тексты стихотворений у руководства никаких возражений не вызывают, перед трудовыми коллективами с творческими отчетами выступаем регулярно.

– Будут, обязательно будут, – пообещал Манькин. – Если есть академики, значит, будут и гонения. Такова диалектика развития. Гегель, брат, с ним не поспоришь.

Пупков, ничего не поняв из того, что сказал редактор про товарища со странной фамилией Гегель, решил все же направить течение беседы в нужное русло, поняв, что от близкого знакомства с академиком ожидаемых дивидендов он уже не накосит. Надев круглые, похожие своей легкостью на пенсне, тонкие очки, он принялся листать, рукопись, бурча что-то себе под нос. Манькин, как человек наблюдательный, отметил про себя, что Пупков в бороде, усах и очках был карикатурно похож на своего великого собрата по перу – автора знаменитой «Каштанки».

– Вы в анфас на Чехова смахиваете, – сказал Манькин. – И лицо у вас умное, одухотворенное было, когда вы про академика рассказывали.

На лице собрата по перу великого писателя появилось выражение, которое можно было охарактеризовать, как удивленно-восторженное.

– Чувствую себя инженером человеческих душ. Могу слепить, как скульптор, любой характер, – ляпнул от неожиданности первое, что пришло в голову, Пупков.

– Вы как лепите, поштучно или поставили дело на поток? – поинтересовался Манькин. – Небось, ночью, как Антон Павлович, пишете?

– Нет, я пишу по утрам, – возразил ему Пупков. – По ночам у меня плохо получается.

– Неужели еще хуже, чем утром?

– Хуже, – не заметив подвоха в вопросе, честно признался Пупков. – Каждую строчку выжимаю из себя, словно каменные глыбы ворожаю. Устаю сильно, потому что думаю много. Хочу написать что-то значимое, большое – философско-исторический роман о судьбе народа, чтоб академично было и слово «народ» в названии.

– Значит, в академики народные намылились, которые без образования, не иначе. Дорожка-то протоптана! Ну-ну. Смотрите, только не надорвитесь, ворожая словесные глыбы! А с философско-историческим романом вы опоздали. Его уже давно написали, может, слышали, «Война и мир» называется? И «мир» именно народ и означает. Обидно, опередили.

Пупков хотел в этом месте обидеться, но вовремя передумал, вспомнив, что автор должен уметь сносить хулу и наветы, и благоразумно промолчал. Попадать под каток редакторских острот ему не хотелось.

– А что до рукописи вашей, – лениво откинувшись в кресле, сказал Манькин, – то что толку ее читать, объем все равно не наш, напечатать не сможем. Попробуйте ужмиться до двух листиков, тогда и приходите, поговорим. Но имейте в виду, мы академиков не присуждаем, я чту уголовный кодекс.

– А при чем тут кодекс? – с лица Пупкова мгновенно сошло выражение комфорта и самодостаточности и вернулось прежнее, более ему свойственное, уныло-мученическое.

– А при том, что подделка документов, званий, ношение незаслуженных наград и формы – это мошенничество, и в случае причинения ущерба гражданам или государству, согласно статье уголовного кодекса, можно получить до трех лет лишения свободы, а если «повезет», то и пять.

Пупков преданно посмотрел на редактора.

– Я живу тихо и скромно, – сказал он. – Ничего не подделываю, чужих наград и званий не присваиваю, в академики не собираюсь. Никого не трогаю, даже с соседями не ругаюсь, хоть вы не можете себе представить,

какие это сволочи. Ну, если так надо, сокращайте, – он смахнул с редакторского стола несколько пылинок. – Я как автор не возражаю, хоть описания природы, конечно, у меня в этот раз здорово получились, я с Тургеневым сравнивал. У меня не хуже. У него описания какие-то округлые, приглаженные. Мои острее, колоритнее. Вот, например, это место.

Он протер носовым платком очки, наморщил лоб и, вытянув по-гусиному шею вперед, начал читать:

«Заросли вечнозеленого саксаула гнулись под порывами горячего южного ветра на склоне унылого, заброшенного богом и людьми бархана. Пустыня изнывала от зноя, ее чрево пылало и требовало влаги. Но дожди были редкими гостями в этих безлюдных краях, они обходили стороной тоскующую по обильным осадкам одинокую, словно луна в ночном небе, пустыню».

Пупков из-под очков посмотрел на редактора.

– Ну как?

Редактор кивнул, чтобы Пупков продолжал.

«Зацепило! – обрадовался Пупкова. – А говорил, что чушь всякую пишем».

«Золотые волны песков кривыми, словно чертежное лекало, линиями уходили за горизонт, сливаясь там своими размытыми контурами с облезлыми облаками. Покрытые ажурной рябью барханы источали безмолвие. Ветер, словно душу, тряс хлипкие стволы изогнутых, измученных непосильной жарой дикорастущих кустарников и покрытые тонкими иголками колючек, словно недельной щетиной, стебли редких сорняков с рыжими и красными шевелюрами. На сколько хватало глаз, растянулось южное высокое небо, напоминавшее цветом денатурат».

Пупков остановил чтение и застыл в ожидании приговора. Редактор изобразил на лице удивление и откашлялся.

«Хорошо пишет, подлец, – подумал он, – ведь действительно, талант. Хоть, конечно, редакторская правка нужна. Кто вот из таких неучей писателей делает? Мы, редакторы. А кто это оценит? Никто».

– Хорошо. Про облака худые, облезшие и про шевелюру рыжую. Только не облезшие, а облезлые, – поправил Манькин. – М-да... Мы с вами, действительно, в этом городе как двое в пустыне – два одиноких творческих человека. И нам, действительно, есть о чем поговорить.

– А я вам что говорил?! – вырвалось у Пупкова. – Ведь получилось! Ведь сверкнула искорка!

– Ну, сверкнула, сверкнула, – успокоил его Манькин. – В прозе вы гораздо сильнее, чем в стихах, и интереснее. Кто бы мог подумать! Только про денатурат – это лишнее. Молодому поколению этот сорт алкоголя не знаком. Они все больше по иностранным брэндам специализируются.

– Ну, вот и пусть набираются опыта у старшего поколения, – категорично заявил Пупков. – Мы что только не пили и чем только не закусывали. А почему? А потому что жили интересами страны, а не своими личными. Все делали коллективно. Нам есть чем гордиться. Такого натерпелись, наслушались и начитались, что страшно вспомнить! Зачем это скрывать? В очередях за пивом стояли? Стояли! Ливерную колбасу лопали? Лопали за будь здоровчик! Аж за ушами трещало! А нынче все – графья. Не знают, что такое денатурат. А мы и его пили!

– А я, представляете, ни разу так и не попробовал, – пожаловался Манькин.

– Что? – удивился Пупков. – Ливерную колбасу?

– Да нет, денатурат. Самогон употреблял неоднократно, чачу уважаю виноградную, «гомеру» в армии несколько раз приходилось принимать, по необходимости, конечно, бражку пил из томатного сока, медовуху, водку яблочную «Меришор», а вот денатурат – нет, не довелось, – с сожалением констатировал Манькин.

– А «гомера» – это что? – поллюбопытствовал Пупков, который имел некоторую слабость к спиртным напиткам. – Я в этом городе полвека прожил, а про такой напиток, как «гомера» не слыхивал. Что-то на базе самогона из картофеля? Приходилось употреблять. Как же. Жуткая гадость, доложу я вам.

– Да нет, «гомера» – это смывка для самолетов на базе технического этилового спирта, – авторитетно заявил Манькин. – Сильная вещь. Два стакана – и полный аут. В авиации очень даже употреблялась. Предварительно, правда, ее нужно было картошкой и углем активированным очистить, чтоб не отравиться, и шла, родненькая, как к себе домой. Правда, сушила сильно.

– Да, – согласился Пупков, – технический спирт, – он сушит и еще колом в горле становится. А потом утром голова как чугунная.

После разговора о напитках прошлых лет отношения между сторонами заметно потеплели.

– А денатурат все равно вы здесь зря приплели! Уберите по-хорошему, – посоветовал Манькин.

– Вообще-то, денатурат – это образ восточного неба, – не согласился Пупков. – Я эту метафору искал много дней и ночей, наконец сегодня под утро озарило.

– Не знаю, не знаю, – задумчиво протянул Манькин, – вычурно как-то. К тому же, это не метафора, а сравнение. Очень сомнительное сравнение, заметьте.

Пупков заскучал и снова уткнулся в рукопись, ища в ней другие талантливые строчки, способные пробить каменное сердце упрямого, словно осел, редактора. Он перелистнул одну страничку, другую и наконец на третьей нашел то, что искал. Сцена на бархане была его гордостью.

– «Влюбленные сидели, обнявшись, на гребне седого бархана, – начал он читать козлиным дребезжащим баритоном. – Они были геологи – разведчики недр, искатели, шатуны, бродяги. Куда их гнала по свету судьба? День между тем клонился к закату. Круглое, как раскаленная сковорода, восточное солнце закатилось за далекий бархан и утонуло в этом силикатном, дышащем духотой и зноем океане. Вниз от гребня стекали тонкими куцыми нитками ручейки из белого песка. Древние, овеванные дыханием веков барханы безмолвствовали как немые свидетели былых эпох».

Он посмотрел на редактора. Манькин сидел в полудреме, с закрытыми глазами, вслушиваясь в ритм текста. Лицо его ничего не выражало.

– «Все было наполнено тишиной, молчанием и еще чем-то едва уловимым, – продолжал Пупков. – Казалось, что во всем мире были только он и она. Куда ни кинь взор, не было видно ни единой души на много-много извилистых километров.

– Мне так хорошо рядом с тобой, – сказала девушка в штормовке с эмблемой Министерства геологии на левом рукаве и в брюках с помочами крест-накрест с завязками на щиколотках. Она доверчиво положила голову на плечо мужчины с окурком во рту. На вид ему было лет около сорока.

– Так хорошо, что вскочила бы и полетела, как птица.

Она встала и, раскинув в стороны руки, побежала на край седовласого бархана, подставив свое красивое лицо горячему пустынному ветру.

– Я спрашиваю: почему люди не летают? Да, почему люди не летают так, как птицы?

Она обернулась, желая получить ответ и ожидая чего-то еще, того, что ждет девушка от каждого нового дня жизни – любви.

– Ночь скоро, – сказал мужчина, вставая и отряхивая от песка штаны, – уходить пора. Завтра рано вставать.

– Как, пора? – огорчилась девушка. – Ты же говорил, что у меня красивые глаза и что моей фигуре позавидовала бы сама Софи Лорен. Правда, я не знаю, кто это, но думаю, ты не стал бы меня сравнивать с какой-нибудь нафталиновой старушкой. Да и зачем уходить? Здесь так хорошо и пустынно. Скоро наступит ночь, и вся вселенная, весь этот мир будут наши.

Она подняла руки к небу и закружилась на месте.

– Небо как море, а бархан – это морской берег, покрытый песком, и мы одни в целом мире. Разве ты не хочешь побыть со мной наедине? – спросила она. – Какое небо! Хочется снять с себя одежду, разбежаться и броситься с размаху в это голубое небесное море и плыть, плыть куда-то. Посмотри, какая я красивая!

Девушка распустила длинные русые волосы, сбросила на землю штормовку. Тонкая белая рука потянулась

к помочам, она медленно отстегнула их, и брюки сами сползли на песок. Она отбросила их ногой в сторону и стала делать волнообразные движения бедрами, как будто вращала халахуп.

– Тебе нравится, – спросила она чуть слышно. – Нравится? Говори же, не молчи.

– Нравишься, конечно, нравишься, – откашлявшись ответил мужчина. – Но пора идти, понимаешь, есть сильно хочется, на ужин мы уже опоздали, а «Магнит» скоро закрывается. Там акция сегодня – две бутылки пива по цене одной. Местные рассказывали, что в этих местах полно змей и одичавших женщин, они по ночам на охоту выходят, – пошутил он.

– А они случайно не ядовитые? – со страхом спросила девушка, озираясь вокруг.

Она стала быстро натягивать снятые пару минут назад брюки. Одевалась она хуже, чем раздевалась. Мужчину это развеселило.

– Кто, – смеясь спросил он, – женщины или змеи?

– Я глупая, да? – бормотала она. – Я ничего не понимаю в жизни. Ну и пусть. Ну что ты все время молчишь? Ты не хочешь, чтобы мы были вместе? Может, я тебе уже надоела и все, что было между нами, для тебя лишь маленький приятный эпизод со студенткой-практиканткой?

Ответить на ее вопрос утвердительно он не успел. Внезапно из-за гребня вышел мужчина в форме прапорщика. Он был одет в выцветшее х/б, на голове нелепо сидела панамы непонятного цвета, на боку в чехле болталась саперная лопатка. Лицо военного было некрасивым, изможденным и небритым. Шнурки на ботинках были развязаны и волочились за ним, как маленькие змейки.

– Я дико извиняюсь, конечно, что нарушил, так сказать, вашу барханную идиллию, – сказал он вежливо, приподнимая панаму, словно это была шляпа, а не головной убор военнослужащего. – Вы тут, случайно, депутатов не видели? Пошли прогуляться по окрестностям и как сквозь землю провалились. Вот люди. Ищи их теперь. Навязались на нашу голову. Кстати, сигареткой не угостите? Курить ужасно хочется.

Мужчина с недовольным видом полез в кармана за»...

– Стоп, стоп, стоп! – несколько раз повторил Манькин, обрывая Пупкова на полуслове и поднимая вверх руки, как при сдаче в плен. – Стоп! Давай разбираться!

Он даже не заметил, что перешел на «ты». В одностороннем порядке.

– Что-то ты не туда поехал. Если тоскующую пустыню и молчание овеванных древними легендами барханов, сбрасывание штормовки на землю и попытку саморазделения в присутствии тоскующего по пиву мужчины я еще могу переварить – и то условно, конечно, условно, – он сделал на этом слове акцент, – потому что в наше время женщин раздевали мужчины и их не нужно было об этом просить, они сами хотели – то прапорщик с бродячими депутатами, вы меня извините, ну, не лезут ни в какие ворота. Вы их туда пихаете, а они не лезут.

– Какие ворота? – не понял Пупков. – У меня в тексте нет никаких ворот!

Он на всякий случай пробежал глазами несколько абзацев в рукописи, даже заглянул под редакторский стол, не заваялся ли там еще листик, где бы упоминались какие-то ворота. Но увидел только редакторские растоптанные тапочки.

– Откуда вы их, извините, взяли? Вот, сами прочтите, если не верите! – он положил рукопись прямо перед Манькиным. – Да и зачем прапорщику лезть в какие-то ворота? Ему что, делать больше нечего?

– Я имею в виду ворота условные, – пояснил Манькин, – в смысле поговорки. Откуда вообще взялся этот прапорщик и эти потерявшиеся среди барханов народные избранники? Вы же сами писали, что на несколько извилистых километров не было ни души. Так хорошо, спокойно. Вот, думаю, хоть где-то есть уединение, отдохновение для человека предпенсионного возраста. А тут опять депутаты. Понимаете, я читатель, я весь в напряжении. Девушка разделась. Рядом мужчина – объект, как я понял, ее желания. Разница потенциалов дошла до своей верхней отметки. Противоборство мужского и женского начала, борьба энергий инь и янь. По законам жанра,

он ее,.. вернее, она его... Ну, в общем, как-то они этот вопрос должны были решить, чтобы удовлетворить читательское любопытство. А он у вас какой-то вялый, не инициативный, все в магазин его тянет. Не хорошо. Не реалистично.

– Понимаете, – вздохнул Пупков, – он мне самому не нравится. Но голова у него занята не тем. Производственный план горит, премия может навернуться, да еще комиссия должна скоро приехать.

– Ну не мог же он, наплевав на все законы живой природы, уйти от уже раздетой женщины, – не согласился с автором Манькин. – Возраст у него еще не тот, чтобы так по-хамски себя вести. Мне кажется, вы его выгораживаете. Это, знаете, как-то настораживает. Я как читатель имею право на красивый финал. А вы нам что подсовываете? Что даете взамен? Небритого прапорщика. Ну где вы его откопали, Пупков? Он же не погонщик верблюдов и мулов и не дервиш, чтобы по пустыням шастать да еще в незашнурованных ботинках на босу ногу.

Редактору было не комфортно в новых туфлях, и он мечтал только о том, чтобы поскорее разуться и сунуть ноги в тазик с теплой водой.

– Разуюсь, пожалуй, – подумал он. – Скоро его не выводить, а нога затекла. Черт меня дернул надеть сегодня новые туфли. Хотел жене радость доставить – вот теперь мучаюсь.

Он нагнулся под стол, расшнуровал снова туфли и сунул ноги в тапочки. Господи, какое счастье – мелькнуло у него в голове. Как человеку мало нужно.

– Какой вы реалист? – сказал редактор, вылезая из-под стола. – Вы – писатель-фантаст, Пупков! Мы серьезная районная газета и фантастику не печатаем.

– Нет-нет, – быстро отреагировал Пупков, – я в этом жанре не работаю. Фантастика – это удел молодых. Мой жанр – это критический реализм. Как есть, так и пишу.

– Так откуда же тогда взялся прапорщик с группой депутатов, черт их побери?! Из-под земли, что ли?

После переобувания Манькин снова почувствовал прилив сил.

– Ведь кругом овечья дыханием легенд пустыня. Пустыня – от слова пусто. Прапорщики, насколько мне известно, в пустынях не водятся, депутаты тоже. Им и без пустынь хорошо живется.

Манькин развернул рукопись к себе.

– Вот же написано: «Молчаливое одиночество барханов на много-много километров». Либо переделайте, либо объясните. Да, объясните.

Он устало откинулся в своем кресле.

– Вы меня буквально лишили последних сил. Рабочий день кончается, и я, как и ваш пижон с бычком в зубах на бархане, хочу есть.

– Ну, не знаю, – задумчиво ответил Пупков, – наверно, там, где-то рядом, располагается секретная воинская часть, которую так сразу и не обнаружишь, – очень хорошо замаскирована. Часть-то ведь секретная. И почему мне знать, штатскому человеку, зачем их прапорщики шляются по обезвоженным безлюдным пустыням вместо того, чтобы заниматься делом! Дался он вам! Как пришел, так и уйдет. Он здесь так, для фона. Ну а депутаты приехали в часть проведать земляков-новобранцев, посмотреть, как им служится, подарки вручить. Что тут такого? Обычное дело – шефство.

– Ну, хорошо! – согласился Манькин. – А дальше что вы с ними со всеми собираетесь делать? Если в первом акте на стенке висит ружье, значит, во втором оно должно выстрелить – так писал Чехов.

– Собственно, прапорщик без оружия, – пояснил Пупков. – В рассказе он погоды не делает, а помогает связать две сюжетные линии. Прапорщик просит закурить, уходит и появляется только в конце рассказа в составе группы, провожающей хлебом-солью депутатов, улетающих домой, да еще в одном эпизоде возле магазина «Магнит», построенного неподалеку от части, куда он забрел в поисках пива.

– Не вовремя все это, ох, не вовремя, – запричитал редактор, – при чем тут «Магнит»?! Понастроили их везде.

– Что не вовремя? – заволновался Пупков. – «Магнит» не вовремя построили? Не сезон или место выбрали неправильно?

– Да нет, с «Магнитом» как раз нормально. В самую, так сказать, точку. Вот вам и связь с современностью. Плоды цивилизации. «Магнит» в пустыне. Акции, скидки, распродажи. И оазисов никаких не надо, бананы, апельсины прямо на полках, нате вам, кушайте на здоровье! Вместо оазисов «Магниты» – отличная мысль. Караваны идут через перевалы и пески от «Магнита» к «Магниту».

– А вместо погонщиков – прапорщики, – добавил Пупков.

– Нет, я о другом, – не понял аллегории Манькин, – про курево. С курением в общественных местах сейчас все борются, а вы? Живете по старинке, вчерашним днем. Дай закурить! Дай прикурить! Как маленький, понимаешь, заладил. Нас могут привлечь за пропаганду курения и рекламу папирос.

– Нет-нет, – не согласился Пупков, – хоть я законов и не знаю, но соблюдаю. Как-никак в ревизорах двадцать лет отслужил. Не одну сотню «зайцев» отловил, в смысле безбилетников. Он же требует не какую-то определенную марку сигарет, а абстрактную, какую дадут. А может, у этого мужика и вовсе папиросы кончились, тогда что? Нет названия – нет рекламы. Вы еще скажите, что, если он идет слегка навеселе, то это пропаганда алкоголя.

– Так он у вас что, еще и пьяный? – возмутился Манькин. – Ну, вы даете!

– Да нет, не пьяный. Так, выпимши слегка по случаю выходного дня. У военных всегда проблема с выходными. Он же никому не мешает. Место действия рассказа выбрано не случайно.

Он подмигнул редактору.

– Пустыня – это ж не общественное место, там – кури сколько угодно и где хочешь. А если подперло, то и выпить можно – не на пляже, полиция не арестует. К тому же он купил водку с акцизной маркой, с которой были уплачены все налоги, таким образом товарищ внес свою лепту в пополнение казны. Кто-то же должен ее пополнять!

– Все равно! – не унимался редактор. – Мы должны идти в ногу со временем и с руководством, а значит, выступать против курения и шатания в нетрезвом виде даже по пустыне! Это правильная позиция. Мой жизненный принцип – всегда плыть по течению, а не против. Вон депутаты же не выпили, пошли гулять по пустыне трезвыми!

– Откуда вы знаете? – не согласился Пупков. – Я бы на себя смелость говорить, что они трезвые, не взял. А может, они тоже выпили, поэтому и заблудились, – высказал он предположение. – Кто их проверял? Депутаты себе отказывать ни в чем не привыкли. Если захотят выпить, выпьют обязательно, у нас не спросят.

– Что ж это у вас все пьяные там? – возмутился Манькин. – Не пустыня, а какой-то вертеп. Курят, где попало раздеваются, нарушая тем самым общественный порядок. И заметьте, никто не сделал им замечания, никто не одернул, что они неправильно себя ведут. Никто. Но если брать в целом, то рассказ неплохой, жизненный.

– А я вам что говорил, – не выдержал Пупков. – Все из жизни, а не из книжек.

– Да, – согласился Манькин. – Но у вас же нет ни одного положительного героя! А мы должны показывать массам не как они живут, это они и без нас знают, а как они должны жить. Это одна из задач литературы. И вообще он мог бы и предложение сделать даме, а не бежать спотыкаясь в магазин за пивом. Это было бы гораздо реалистичнее.

– Не мог, – сухо возразил Пупков.

– То есть как, не мог. Почему? Все, значит, могут, а он не мог. Станный тип. Он мне почему-то сразу не понравился.

– В этом и заключается суть конфликта, – начал объяснять Пупков. – На этом и сюжет-то держится весь. Он за ней ухаживает, покупает ей йогурты в «Магните» и кефир, а у него дома жена.

– Жена? – в который раз удивился Манькин. – Ну вы, Пупков, мастер на разные фокусы. Я вас недооценил. Какая распущенность. Надо же – женатый человек, а черт знает чем занимается.

– Что, и дети есть?

– Ну да, конечно, – подтвердил Пупков, – мальчик и девочка – двойняшки – скоро школу заканчивают, отличники. Деньги на институт нужны, вот он и рванул в пустыню подзаработать.

– Так чего ж он тогда этой практикантке голову морочит?

– Это не он ей – она ему морочит, – внес ясность в сюжет Пупков. – Она ведь молодая, но опытная, два раза уже замужем побывала. Вот в третий раз прицелилась, да осечка вышла, на женатого нарвалась. Он, вроде бы, и за, но жену любит, не может без нее и даже скучает. Может, ему телеграмму отбить жене, чтоб приехала? – спросил Пупков. – Все сразу станет на свои места.

– Молнию, – добавил он. – Текст такой: «Приезжай, родная, я запутался. Целую, люблю. Коля»?

Вопрос застал Манькина врасплох. Он плохо знал технологию отбивания телеграмм-молний в пустыне и побожился выглядеть некомпетентным.

– Не знаю. Вы автор, вы и решайте, что и кому нужно отбить. Вам виднее. У меня своих дел по горло. Депутаты улетели?

– Улетели, — подтвердил Пупков. – Вечерним рейсом.

– Это хорошо, – одобрил Манькин. – Значит, депутатов проводили. Ну и слава богу, но с прапорщиком вопрос все равно открытый. Он же у вас пьяный и небритый.

– У меня? – удивился Пупков.

– Да, у вас. Не у меня же! У меня все сотрудники и сотрудницы всегда с утра бритые, наглаженные, без перегара, в пустыне пиво и телеграф не ищут. Даже если приняли накануне лишнего, то стараются дышать в сторону от клиента. А у вас военный служащий с утра небритый да еще и с перегаром. Нехорошо! Раз он на службе, то должен соблюдать устав. Бороду у нас военным служащим, слава богу, носить еще не разрешили, даже прапорщикам.

– А может, человек с горя выпил, может, у него на складе недостача или жена с офицером загуляла? Вот он и пошел проветриться, собраться с мыслями, ну и заблудился, – высказал предположение Пупков.

– Почему у вас все, кто ни пойдут прогуляться, заблуждаются? Вернее, заблуживаются, – поправился Манькин. – Вам это странным не кажется?

– Кажется, – честно признался Пупков. – Мне многое кажется странным. Только я молчу и не задаю лишних вопросов, потому что стою на реалистической платформе. В жизни и не такое бывает. А по поводу прапора не беспокойтесь. Если он где-то накуролесил, его начальство посадит на гауптвахту суток на десять и все. Отсидит, как миленький. Там его и побреют, и постригут, и пить отучат. Пусть посидит, остынет.

– Ну, хорошо, пусть посидит, – согласился Манькин.

Он снова углубился в чтение. Несколько минут сидели молча.

– Кстати, откуда вы взяли, что саксаулы вечнозеленые? – неожиданно спросил он, поднимая очки на лоб. – Я лично в этом не уверен. Вы это точно знаете, проверить не нужно?

– Вечнозеленые-вечнозеленые, а как же! – подтвердил Пупков. – Там все вечнозеленое: пальмы в аравийских степях, саксаулы, аксакалы. Об этом еще поэт Лермонтов писал, наш классик: «В далеких степях аравийской земли две вечнозеленые пальмы росли».

– Да-да, что-то припоминаю, – Манькин почесал затылок, – а здесь что, и про Лермонтова есть?

– Там все есть! В самом конце наша героиня читает мужчине стихи Лермонтова перед тем, как расстаться с ним навсегда. Она же его бросила. Нашла себе начальника предпенсионного возраста, с хорошим окладом, квартирой в Сочи, холостяка. Кстати, он был в составе комиссии, которая приехала проверять геологов, и увлекся практиканткой. Проверить, правда, ничего так и не успели. Съездили на рыбалку за двести километров, сходили в районном центре в ресторан, объявили начальнику экспедиции выговор на всякий случай и улетели вслед за депутатами. Классический финал.

– Классика – это хорошо! – согласился Манькин. – Нам без классики нельзя, корни засохнут.

– У кого? – спросил Пупков.

– У культуры, конечно, отсохнут или сгниют. Тут всего два варианта. В целом ты, Пупков, молодец! Удивил. И природы у тебя описания хорошие, и характеры крепкие такие, матерые, а эта женщина – вообще самка. Не дай бог такую встретить. Это ж надо, в двадцать лет два развода и еще на бархане раздевается при посторонних. Хоть, конечно, делала она это профессионально. Как литобъединение ваше называется, где все академики?

– Не все, а всего один, – обиделся Пупков.

– Ну пусть один, не важно, – махнул рукой Манькин. – Как оно называется, запомнил, «Стебелек», кажется? Или «Початок»?

– «Колос», – поправил его Пупков.

– Да-да, «Колос», – вспомнил Манькин. – Колос – это символ урожая, а у нас район сельскохозяйственный. Приятно, что колхозники в свободное от посевов зерновых и закладки фуража на зиму сочиняют стихи и рассказы.

– Нет у нас никаких колхозников, – запротестовал Пупков, – и не было никогда.

– Это почему же? – не понял Манькин. – У нас любой труд почетен.

– Да нет их уже нигде, колхозников, лет уж двадцать как нет.

– И куда ж они делись?

Манькин вопросительно посмотрел на Пупкова.

– Что, пошли прогуляться и заблудились, как депутаты?

– Перевелись, – развел руками Пупков. – Фермеры одни остались, да и те не сегодня завтра вымрут, как мамонты. Скот кормить нечем, на технику денег нет, на рынке торговать не дают, сети продукцию не принимают – сплошные трудности и сплошное бездорожье.

– Да, трудности, – задумчиво произнес Манькин. – Но именно из-за трудностей и бездорожья сельская проза у нас всегда была сильной. Астафьев, Белов, Распутин – имена-то какие. Глыбы! Читал что-нибудь Распутина или Астафьева? – спросил он Пупкова по-отечески, хоть тот был старше него. – Только не ври, не надо.

– Нет, – стесняясь своей серости, ответил Пупков. – Как-то все руки не доходили, но теперь обязательно прочту.

– Стыдно, батенька. Стыдно. Русская деревня – это наша колыбель, наши истоки. У тебя ведь у самого тяга к деревенской прозе. Вот в предпоследнем абзаце пишешь: «Дорога, изогнутая, словно деревенское коромысло, пылила и скрывалась в мутно-голубой предвечерней дымке». Хорошо. За душу берет. В этом есть, действительно, что-то тургеневское, наше.

Манькин снял очки и отложил рукопись на край стола.

– Но все это, как говорят, детали, а главное не в этом. Совет: пиши на сельские темы, у тебя получается, чувствуется крестьянская жилка. Я на тебя папочку заведу и напишу на ней «Деревенщик».

– Это тот, кто деревней руководит и не разбирается в сельском хозяйстве? – поинтересовался Пупков.

– Нет, это тот, который сочиняет хорошую деревенскую прозу, – ответил Манькин. – Хорошую.

– Да я, собственно, и в деревне-то пару раз всего был, – попытался откеститься от колхозной тематики Пупков, – да и то в детстве. С бабушкой ездили в гости к родственникам. Железнодорожник я по специальности. А вам не нужны писатели-железнодорожники? Буду вам писать на железнодорожные темы.

– «Он ударил кувалдой по костылю, и рельсы загудели, зазвенели, как неистовый многоголосый многорегистровый орган».

– Или так: «Машинист Котиков Б.Б. прищурился, взглядываясь в предрассветную зимнюю даль и, увидев зеленый свет, дал полный ход. Локомотив, словно ледокол, поплыл среди огней и светофоров, разрезая своим железным пышащим силой и здоровьем телом ночную мглу. Впереди были многие километры железных трасс».

– Нет, это нам не нужно – у нас районная газета, – без оптимизма отреагировал Манькин на предложение Пупкова. – Нам село ближе. А на железнодорожную тему пишите в «Гудок». Вам хорошо, вы уже на пенсии, – мечтательно произнес он. – Можете делать, что захотите. А

тут парься в кабинетах, выпускай тиражи и носи тесную обувь.

– На пенсии уже три года. Дожил до светлых дней, пенсия приличная, пятнадцать тысяч, – похвалился Пупков.

– А мне еще год, – пожаловался Манькин. – Хоть бы доработать! Все боюсь не вписаться.

– Значит так, рукопись берем, – подвел он черту, – у нас скоро День геолога, тиснем материал в праздничный выпуск в сокращении.

– Резать будете? – Пупков с надеждой на помилование посмотрел на редактора.

– Сокращать до нужного объема, – в голосе Манькина снова появился металл.

Спорить было бесполезно.

– Значит так, бери, Пупков, ручку и записывай, чтобы чего-то не забыть!

Он подвинул к себе настольный календарь.

– Принесешь рукопись двадцатого, через три дня. Уменьшаешь добровольно произведение до трех страниц.

– До четырех, – попробовал поторговаться Пупков.

– До трех, – повторил Манькин. – Бреешь прапорщика, приводишь его в человеческий вид, и пусть прекратит шляться в рабочее время по пустыне с депутатами, и пить пусть тоже бросит, ну и курить заодно.

– Да, но какой же он тогда прапорщик? – сопротивлялся Пупков. – Не пьет, не курит, матом солдат не кроет и не шляется нигде. Я в армии таких не встречал. Зачем же он тогда на сверхсрочную остался? Чтоб в каптерке солдатские портянки с полки на полку перекладывать? И что он тогда делает у «Магнита», если он непьющий? Он же там пиво искал, а зачем непьющему пиво?

– Пусть ищет что-нибудь другое, – посоветовал Манькин, – газетный киоск, например, или просто так гуляет перед сном для моциона.

– А как я теперь две сюжетные линии рассказа вместе сведу, если он ничего не ищет? Вы же мне всю композицию рассказа нарушаете, характеры героев заставляете

делать нереалистичными. Сами же говорили, что характеры крепкие.

– Литература, брат, – вещь сложная. Ты автор, думай, твори, – назидательно сказал Манькин. – И еще, – он понизил голос, – эту сцену на бархане тоже убери, она какая-то аморальная. Он женат, она замужем два раза была, тоже мне штучка. Там еще эти финты с раздеванием.

– Так с эротикой, вроде, еще не борются? Давайте оставим хоть кусочек, – взмолился Пупков. – Она ведь все равно его бросила потом за то, что он ею пренебрег. Не простила равнодушия. Я эту сцену написал для привлечения молодежи, она к интиму тянется.

– Она и без тебя к нему дотянется, – перебил его Манькин. – Сказано русским языком, завязывай с аморалкой! – Манькин усмехнулся. – Тоже мне, Мопассан местного разлива. Пренебрег и пренебрег. Не она первая, не она последняя. Будет знать, как с женатиками связываться. Паспорт сначала нужно проверять, а потом стриптизы на барханах устраивать. И еще о производстве нужно думать – как промышленность и сельское хозяйство из разлухи поднимать.

Он встал из-за стола и протянул Пупкову руку.

– Через три дня жду, академик человеческих душ!

Все так и случилось, как запланировал Манькин.

Через три дня Пупков принес урезанную до трех страниц рукопись. Манькин, не пожалев для этого полчаса, урезал ее до двух. Небритого и нетрезвого прапорщика убрали из витиеватого сюжета совсем, депутатов, приехавших с визитом в воинскую часть поддержать новобранцев, тоже удалили, потому что газета выходила не к Дню защитника Отечества, а к Дню геолога. Оставили двоих, парня и девушку, на фоне изнывающих от зноя барханов и одиноко стоящего магазина «Магнит», сделав их холостыми геофизиками, передовиками производства, занимающимися поиском точек для бурения артезианских скважин. Сцену на бархане тоже убрали, вставив вместо нее сцену бурения скважины передовой бригадой разведчиков недр. Рассказ назвали «Двое в пустыне».

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ГЛУПОСТИ

Каждый человек за свою жизнь совершает бесчисленное множество глупых поступков, даже не задумываясь над тем, зачем он это делает. Иногда людям, у которых как реликт третичного геологического периода сохранилась совесть, бывает за свои поступки стыдно, иногда не бывает. Ведь человеческая совесть, как нравственная категория, мешает нормальному и естественному течению эволюционного процесса и поэтому, как доказал великий эволюционист Ч. Дарвин, обречена на постепенное и вполне естественное вымирание вместе с ее редкими владельцами.

Иногда мне кажется, что на каждого человека на земле заготовлен мешок с глупостью, которую он должен израсходовать за свою жизнь. У одного человека мешок большой, у другого немного поменьше, но мешки эти заготовлены абсолютно на всех. И вот лежат эти пыльные мешочки где-то в специальном мешкохранилище и потихонечку уменьшаются в объеме. У меня часто возникает желание найти это тайное место, выкрасть свой мешок, привязать к нему пудовую гирию и лунной ночью утопить в каком-нибудь болоте.

Занимать людям деньги – это безусловная стопроцентная глупость. Все это знают и тем не менее периодически многие граждане занимают деньги знакомым и малознакомым людям, таким образом расходуя глупость из своего мешка. Деньги, как дети. Пока они рядом, родители не чувствуют беспокойства и абсолютно счастливы, но стоит только им отлучиться, как забота об их судьбе лишает родителей сна и аппетита. Научно доказано, что заем денег разрушает личность дающего и лишает его природной гармонии и целостности. Сам я регулярно провожу научные опыты по заниманию денег всем желающим уже много лет. Кстати, занимать деньги со вкусом могут далеко не все. Это даже своего рода искусство. А искусство, как известно, требует жертв.

Однажды в весенний дождливый день в мою дверь позвонили. Визитером оказался старый знакомый из той

распространенной категории людей, которых мы чем реже видим, тем больше любим.

Зонта у моего знакомого не было, поэтому вокруг него из воды, стекавшей с одежды, сразу образовался небольшой прудик с грязными сандалиями в середине. Мокрого знакомого звали Кексуев. Я не видел его лет пять – с тех самых пор, как он женился и уехал в странный город Урюпинск, не успев в спешке возратить мне 500 рублей, занятых на подарок для двоюродного дяди невесты. Кексуев, шлепая по паркету раскисшими от дождя сандалиями, без приглашения прошел на кухню и сел возле окна. Несколько минут он молча смотрел на улицу, где из водосточной трубы в доме напротив на уровне второго этажа хлестала вода, заливая стену. Видимо, у управляющей компании кончились деньги, ассигнованные на капремонт, именно на этой трубе. Скучающий взгляд Кексуева неожиданно поменял направление и остановился на корзинке с сырым картофелем.

– Старик, – наконец обратился он ко мне. – Зачем ты так много ешь картофеля?

– Да не ем я много картофеля, откуда ты взял? – ответил я, немного нервничая.

Кексуев устало зевнул и продолжил.

– Картофель сильно полнит и закоксовывает кишечник. И еще от крахмала у тебя будет плохая и очень густая кровь. Ты этого добиваешься?

– Нет, – немного испуганно сказал я. – Зачем мне густая кровь и закоксованный кишечник. Никто этого не добивается. С чего ты взял?

– Правильно, старина, – подхватил Кексуев. – Жизнь так прекрасна, зачем ее омрачать преждевременным уходом. Кстати, у тебя под глазами мешки. Проверь почки, брось пить на ночь кофе, жрать жареную свинину и купи гантели. Это добавит тебе уверенности в себе.

Кексуев открыл холодильник и начал доставать из него продукты.

– Но я не пью на ночь кофе, не жру, как ты говоришь, жареную свинину и давно купил себе гантели, еще в школьные годы, – категорично заявил я Кексуеву.

– Все это слова, – ответил Кексуев, внимательно разглядывая новую кухонную стенку. – А на деле – скушал что-то не то, и нет человека.

Возражать было бесполезно, и я махнул рукой, желая только одного – не видеть его лет пять, а еще лучше десять. Я знал его, как взбалмошного и на редкость бестактного человека. Ему ничего не стоило припереться к кому-нибудь в половине первого ночи и попросить напоить его крепким чаем по той простой причине, что он поругался с женой. Его сторонились и даже побаивались, потому что ко всем своим недостаткам Кексуев был некудышним медиком и любил ставить плохие и очень плохие диагнозы.

– У вас большой живот и явно увеличена печень. Проверьтесь, может, у вас цирроз? Пьете водку? Зря. Водка, даже хорошая, – это яд. До утра можете и не дотянуть.

Человек начинал оправдываться и говорить, что он вообще к водке равнодушен, а заодно к виски и портвейну. Но Кексуев его не слушал. Он вообще никого никогда не слушал, так как все знал сам.

Сразу же по возвращении в родной город он, вероятно, вспомнил обо мне, как о человеке, всегда имеющем немного свободной наличности и у которого в холодильнике всегда есть немного лишних продуктов.

– Извини, старина, – сказал он, – что тебе не звонил и не заходил – некогда было. Собственно, я по делу. Нужна пустяковая сумма – тысяч пять.

Он сел за стол и стал делать себе бутерброды с дорогой колбасой и ветчиной. Несколько вареных картофелин остались нетронутыми, наверно потому, что картофель зашлаковывает кровь.

– У меня, наверно, столько не будет, – сказал я, пятясь к холодильнику.

– А ты поправился, – он критически осмотрел меня с головы до ног. – Наверно, аппетит различными приправами остренькими разгоняешь? Зря. Ой, зря. Не доведут они тебя до добра. Язву желудка, как минимум, гастрит гарантирую, а то и того хуже.

Боясь, как бы он мне не поставил более серьезного диагноза, я пошел к шкафу, где, как и все нормальные люди, под стопкой хрустящего глаженного белья моя жена хранила домашние деньги от посторонних посягательств, и дал ему 5000 рублей.

Как только денежки перекочевали к Кексуеву, мне стало немного грустно, как будто что-то хорошее ушло безвозвратно. Я набрал воздуха в легкие, чтобы глубоко выдохнуть, но мне не дал это сделать мой визитер, который с блеском в глазах пересчитывал деньги.

– Старик, – сказал он мне почти по-отечески, хоть был моложе меня лет на пять, – почему ты так тяжело дышишь?

Кексуев поправил гнутые очки и спрятал деньги в рыжий бухгалтерский портфель.

– Дыши свободнее и делай по утрам пробежки. Жизнь так прекрасна.

Он ушел, унося с собой потертый бухгалтерский портфель, в котором лежали мои деньги, опухшее, покосившееся на одну сторону, словно деревенская изба, лицо, помятые, не знавшие утюга штаны и запах крепкого дешевого табака, вероятно, очень полезного для здоровья.

– Еще одного осчастливил? – грустно, с оттенком безнадёжности спросила жена, когда стук его грязных ботинок затих в глубине подъезда. – Ему что, брюки не на что купить, ходит по знакомым деньги собирает?

– Я не могу отказать человеку только на том основании, – ответил я, – что у него помятые штаны. К тому же, он у меня занял всего во второй раз.

– Думаю, что в третий раз ты будешь немного умнее, – сказала жена и ушла к себе в комнату.

Я задумался. Действительно, мои дебиторы не баловали меня своим вниманием. Все они позорно молчали: как те, которые заняли деньги несколько лет назад, так и те, которые заняли деньги до утра и исчезли навсегда. Вели они себя удивительно однообразно. Может быть, они объединились в какую-то тайную организацию, созданную с одной нехорошей целью – никогда не возвращать мне мои деньги. И еще они как-то хорошо умели не попадаться мне на глаза и ничем не напоминать о своем существо-

вании. Возможно, это делалось для того, чтобы сберечь мою нервную систему. Со многими из заемщиков я жил в одном доме и даже в одном подъезде. Время от времени, правда, я слышал знакомые голоса в подъезде, но стоило мне приблизиться, как голоса моментально замолкали, а их владельцы бесследно исчезали. На прошлой неделе за лифтовой шахтой мелькнули знакомые фиолетовые носки в комнатных тапочках, но они быстро исчезли и больше не появились. На следующий день на грязном капоте моего автомобиля, который ночевал во дворе, некто вывел пальцем «дурак». Видимо, это члены тайной организации подали о себе весточку.

Жизненные обстоятельства порою складываются не совсем благоприятно. Мрачные прогнозы моей жены сбывались. Кексуев в мятых штанах с рыжим портфелем не появился вопреки моим наивным ожиданиям ни через неделю, ни через месяц. Я позвонил пару раз ему домой. Из трубки казенный голос сообщил мне, что абонент отключен от сети за неуплату. Наверно, денег, которые он у меня занял, ему не хватило на оплату долга за телефон.

Когда совершаешь глупость за глупостью, то входишь в ритм. Вчера вечером ко мне подошел сосед по лестничной клетке, и... я не смог ему отказать. К нему приехала погостить теща, и нужно было срочно купить ей обратный билет. А у него, как назло, задержали выплату зарплаты. Какой же нормальный мужчина не займет денег на обратный билет для тещи. Должна же быть, наконец, просто мужская солидарность. Эта светлая мысль согревала меня всю последнюю неделю.

Вопреки обещаниям, сосед не появился ни через три дня, ни через неделю, пополнив, таким образом, длинный список моих дебиторов.

Несмотря на неблагоприятную ситуацию в сфере моих филантропических финансовых проектов, я сохранил свой оптимизм и веру в то, что жизнь прекрасна.

Если я не найду свой мешок с глупостью и мне не удастся его утопить, то я, благодаря своим поступкам, все же сильно уменьшу его содержимое, а так как глупость передается по наследству, то моим детям ее достанется меньше.

БЛАГОРОДСТВО

Попытка Охапкина смыться вечером из дома не увенчалась успехом.

– Милая, – убеждал он жену, – я всего на пару часиков, помогу Кеше переставить шифоньер, немного посижу в обществе друзей и в восемь ноль-ноль буду дома как штык. Честное благородное...

– Знаю я это «благородное» и это «немного», – оборвала его жена на полуслове. – На прошлой неделе всю вашу гоп-компанию видели в кафе с какими-то женщинами.

– Это были одноклассницы Кеша, – быстро нашелся Охапкин. – У них там как раз проходил девичник.

– Ага, – никак не могла успокоиться жена, – у вас мальчишник, у них девичник. Очень удобно. Потом решили совместить? Тебе кто достался – блондинка или брюнетка?

– Никто мне не достался, что я, самоубийца что ли? Понимаешь, милая, женщины там оказались, ну совершенно случайно. У одной из них был день рождения, и они попросили разбавить, так сказать, их дамский коллектив нашим мужским вниманием.

– Хорошо разбавили. Домой ты заявился в половине второго!

– Я не следил за временем, потому что у меня сел телефон, к тому же мне пришлось проводить именинницу до дома. Больше было некому.

Охапкин держался уверенно, было видно, что оправдывался он не в первый раз.

– Как только освободился, сразу пошел домой. Ты что, мне не веришь?

– Трепло! – бросила жена. – Ведь все врешь!

– Ну не мог же я бросить женщину одну на пустынной ночной улице, – возмутился Охапкин. – Благородные люди так не поступают. Она попросила, чтобы я ее проводил. Ты же знаешь, женщинам опасно в ночное время ходить по городу.

Особенно замужним блондинкам? – уточнила жена.

– Какой ужас, – подумал Охапкин, – ей и это доложили.

– Дорогая, ну откуда я знал, что она замужняя, – взмолился Охапкин. – В паспорт к ней не заглядывал, брудершафты не пил. Проводил ее до дома как джентльмен и, пожав на прощанье руку, ушел. Ничего плохого в этом не вижу.

– А как же чай? – спросила жена.

– Какой чай? – не понял Охапкин.

– Ну, обычно после провожания пьют чай, – пояснила жена.

Охапкин сделал удивленное лицо.

– И не нужно делать из меня дуру! – взорвалась жена. – Свинья ты неблагодарная! Никуда не пойдешь и баста. Иди мусор вынеси лучше.

– Санта-Барбара какая-то, – подумал Охапкин. – Один раз за столько лет кого-то проводил, и уже сразу – свинья.

Он зашел в ванную, открыл для конспирации воду и набрал Кешин номер.

– Все отменяется, – шепотом сказал он, – моя откуда-то все узнала. Сиди дома, говорит. А все из-за той блондинки из кабака. Это ты их за наш стол приволок.

– Я, – подтвердил Кеша. – Славный был вечер! Я черненькую пошел провожать, ты беленькую.

– Да, – вздохнул Охапкин, – вечерок был хорош. Она сама меня к себе затащила.

– Это ж надо! – удивился Кеша. – Повезло тебе!

– Да, – согласился Охапкин. – Подфортило хоть раз в жизни. Я ее спрашиваю: «Ты замужем или в поиске»? А она отвечает со смехом: «Я свободная женщина, у меня муж в командировке». А потом, представляешь, жарко так на ухо прошептала, аж мурашки по коже побежали: «Ты мой сладенький. Я от тебя сейчас большой кусок откушу!»

– Круто! – не удержался от комментариев Кеша. – Прямо завидую. Ну, а дальше что?

– Я не удержался – обнял ее, конечно, а другую руку на колено положил. Думаю, неблагородно это – женщину в ее день рождения одну бросать. Посажу немного и тогда пойду. А она так медленно на диванчик ложится и меня за собой тянет... Ну, в общем, упаковала она меня. Сам не знаю, как все и получилось. Лежим мы с ней и о жизни толкуем. Вдруг звонок. Беру телефон, смотрю – моя. Ну я испугался, телефон выключил – вроде как батарея села. И тут меня как токомшибануло. «Нехорошо как-то все получается, – подумал я, – неблагородно по отношению к жене. Она дома одна, а я тут на диване морально разлагаюсь». Взял себя в руки, быстренько оделся и к двери, а блондиночка с дивана: «Когда мы увидимся снова, Альберт?» Я ей Альбертом представился для солидности. «Где, – спрашиваю, – увидимся?» – «А где хочешь, – отвечает, – назначай время и место. Муж только через две недели вернется». «Не знаю, – говорю я ей, – неблагородно это как-то получается по отношению к отсутствующему мужу. Хотя я его и не знаю совсем, но ей-богу, непорядочно. Давай больше встречаться не будем. Аморально это. Подумай над своим поведением – муж в командировке, а ты женатого мужика к себе привела». «Ты тоже подумай, – отвечает она, – телефон знаешь. Если что, звони...»

– Я сразу решил – ничего у тебя, красавица, не выйдет. Не на того нарвалась. Я человек порядочный и не могу ходить к замужней даме. Была б незамужем, тогда другое дело. Как только решил, так сразу себя зауважал. «Молодец, Охупкин, – думаю, – благородный поступок совершил, оборвал преступную связь в самом начале и женщину в семью вернул. Вот все бы так! И жене не обидно. Я ведь не променял ее на первую встречную, как некоторые. Она это должна чувствовать и ценить мое благородство».

– Ну и что, оценила? – рассмеялся в трубку Кеша.

– Нет, не оценила, – пожаловался Охупкин, – свиньей назвала неблагодарной. Сажу вот дома в выходной день. Не выгодно нынче быть порядочным и благородным, крайне не выгодно. В следующий раз обязательно, прежде чем сделать благородный поступок, подумаю.

СОДЕРЖАНИЕ

Амазонки	3
Гараж.....	28
Двое в пустыне.....	62
История одной глупости.....	91
Благородство.....	96

Литературно-художественное издание 16+

Юрий Геннадиевич Селиванов
ИСТОРИЯ ОДНОЙ ГЛУПОСТИ
Рассказы

ББК 84(2Рос – 4Ста)
ISBN 978-5-9905068-2-9

Редактор *Григорьева Г.М.*
Технический редактор *Чернова М.В.*
Дизайн *Иванова Н.В.*
Верстка *Денисова А.И.*
Художник *Никитин В.М.*
Фото *Сапунов В.П.*

Подписано в печать 12.12.2016
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура SoolBook.
Печать офсетная. Ф.п.л. 6,25.

Заказ   Тираж 1000 экз.

ЗАО «Минераловодская типография»
Минеральные Воды, ул. Фрунзе, 33
ИНН 2630017600